ЭЛЛИСОН МАЙКЛС

ПОЖЕЛАЙ МНЕ ПОПУТНОГО ВЕТРА

Эллисон Майклс

Пожелай мне попутного ветра

https://litres.ru/73548894
SelfPub; 2026

Аннотация

Элла Маккой не знает другой жизни, кроме седла и свободы. Ещё пять лет назад она покоряла ипподромы и побеждала в скачках, но страшная травма оборвала её карьеру жокея. Теперь она трудится на конюшнях "Алькасар" вместе с отцом на землях Веддингтона, которые веками принадлежали Маккоям.

Но идиллия сельской жизни заканчивается - местный богач Бобби Брюлле положил глаз на владения Эллы и её отца. Когда попытка выкупить их терпит крах, Бобби Брюлле начинает настоящую войну за земли и власть. "Алькасар" не в силах тягаться с таким влиятельным врагом - конюшни терпят убытки и находятся на грани банкротства.

Чтобы спасти родной дом, Элла решается на отчаянный шаг: она объединяется с новым знакомым - красавцем Джеймсом Холденом и принимает участие в скачках. Но чего ей будет стоить эта победа?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	21
Глава 3	39
Глава 4	48
Глава 5	69
Глава 6	89
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Эллисон Майклс
Пожелай мне попутного ветра

«Когда Всевышний наделил ветер копытами, а молнию уздечкой, он назвал их лошадьми».

Автор неизвестен

Пролог

У свободы много имен. Она прячется под масками, живет в стихиях и во всем живом. Она шепчет голосом ветров, замораживает холодом океанов и растекается по телу покалывающим адреналином.

Но я никогда не видела ничего свободнее лошади…

Все мое детство отец рассказывал мне сказки о лошадях. Усаживался на край кровати, чтобы не испачкать постельное белье пылью рабочих штанин. Устало горбил плечи от тяжести бесконечных охапок сена, ведер с водой и мешков с зерном. Втирал лечебную мазь в огрубелые руки со стежками мозолей. И по новой играл старую пластинку, заслушанную до дыр.

Я могла бы часами слушать его рассказы о тирольских хафлингерах, выведенных для перевозки грузов по узким тропинкам между гор. О уэльских кобах, миниатюрных, но выносливых, как целая упряжь лошадей. Об андалузцах, самых почтенных и знаменитых из испанских пород, появившихся на земле еще в доисторические времена. Об одичалых мустангах – непокорных, свободных, почти исчезнувших с лица земли. В свое время над ними нависло иго плена и убийств, однако они все еще встречались в широтах Калифорнии, Аризоны, Юты и Невады.

Но я никогда не думала, что смогу увидеть их здесь.

Я чуть не выронила корзинку с клевером, когда почувствовала чье-то присутствие позади. Подумала, что за мной наблюдает дикий зверь. Кабан, черный медведь или пума… Они могли свернуть не на ту тропу в зарослях Кейн Крика и добраться до заселенных равнин Веддингтона.

Отец просил меня не гулять так далеко от дома, но в двенадцать лет ты ничего не боишься. Я ведь всегда ходила на эту поляну за свежим клевером, и еще ни разу не встречалась даже с зайцами, не говоря уже о хищниках. А теперь ко мне принюхивались, оценивали, выжидали.... Буквально родившись на конюшне, я усвоила самый важный урок: не делать резких движений.

Я медленно обернулась и вцепилась в корзинку. Увидела тень на траве, а затем и силуэт, очертания чего-то крупного, устрашающего…

От моего крика животное отступило назад. Так мы и замерли в нескольких метрах друг от друга. Два напуганных создания, которых забросило на одну и ту же поляну за клевером.

Это всего лишь лошадь… Сама свобода глядела на меня, и я тонула в ней, как в холодных водах Атлантики. Океан я видела всего раз, а такие темные глаза – никогда в жизни. Они манили, они пугали, но без сомнения завораживали.

Светло-коричневая шерсть лоснилась на солнце. Как сливочное масло, растаявшее на куске хлеба. Каждый мускул сильного тела проступал под кожей. Я повидала много лоша-

дей на своем недолгом веку, но такой экземпляр мне еще не попадался. Гармония силы и красоты.

С первого взгляда я признала в нем чужака. Мустанг во всем великолепии своей породы стоял передо мной, словно сойдя прямо с картинок энциклопедий, которые папа дарил мне в детстве. Предок тех диких табунов, брошенных конкистадорами и порабощенных индейцами. Представитель вымирающего племени, обреченного на вечные скитания в дикой среде. Увидеть их можно в сухих степях и прериях между ландшафтами Миссисипи и горами Сьерра-Невада. Но никак не здесь.

Я боялась двинуться и спугнуть бродягу, но красавец не собирался уходить. Он склонил голову к земле и махнул ею куда-то назад, словно указывая на что-то. Капкан схлестнул свои челюсти на его задней ноге. Браконьеры нечасто водились в наших краях, но кто-то поставил этот капкан всего в километре от «Алькасара».

Конь терпеливо сносил боль – дикая природа взрастила в нем стойкость. Он болезненно дышал и глядел на меня жалобными глазами. Для мустанга неволя – хуже смерти. Он просил о помощи первого, кого встретил на пути. И это оказалась я – двенадцатилетняя девочка.

Я много чему научилась у отца и дяди Джима. Пока мои одноклассницы учились краситься румянами, я – выковыривать грязь из-под копыт, обрабатывать струпы, выводить чесоточных клещей. Ну и выуживать тушки несчастных жи-

вотных из капканов.

Главное – не спугнуть. Я медленно подошла к новому знакомому, дала себя обнюхать: осмелилась и протянула руку. Черные глаза заметили движение и блеснули ярким лучом. Он не отошел, и я приняла эту сдержанность за предложение познакомиться поближе.

Конь сам мотнул головой, чтобы коснуться ладони. Моя кожа соприкоснулась с его. Две разности сошлись в одном уравнении. Пальцы пробегали по нежной шерсти все увереннее, доставляя удовольствие нам обоим. Что ни говори, а мы с ними так похожи. Не рост, сила или наличие второй пары ног определяет нас. А умение привязываться и любить. И в тот миг, когда я гладила дикого коня, я чувствовала, что он способен не только на привязанность, но и на нечто большее. Верность у него в крови, как и воля предков.

Мустанг позволил мне угостить его пучком клевера и склониться над задней ногой. Кровавый ручеек бежал по длинной, красивой ноге животного. Но ему очень даже повезло – попадись ему на пути медвежья ловушка, от ноги не осталось бы живого места.

Осмотрев капкан и убедившись, я достала из волос заколку – нужно было что-то длинное и твердое, чтобы поддеть рычаг. Осторожно разжав зацепившуюся часть, я ослабила пружину – капкан приоткрыл пасть и высвободил жертву.

Мустанг громко заржал: праздновал освобождение и благодарил меня за помощь. Но вдруг ветка позади нас хруст-

нула. Птица сорвалась и забарабанила крыльями, уносясь прочь. Мустанг мотнул головой от неожиданности, сбрасывая мою ладонь. Ему напомнили, что мы по разные стороны баррикад. Что когда-то такие, как я, стирали его род в пыль. Что такие, как я, выставляли в лесу капканы.

Громкое ржание прокатилось по поляне, усеянной клевером и пчелами. Конь вздыбился, вдруг вырастая ввысь и закрывая собой солнце. Но я и не думала отскакивать в сторону. Знала: он не тронет, не направит свою мощь против моей слабости.

И я была права. Мустанг врезался копытами в траву, сотряс землю и помчался вскачь в дубняк. Больная нога ничуть не замедлила движения. Лишь коричневое пятно мелькало между деревьями, пока совсем не пропало из виду. Будто встречи и не состоялось, а все приснилось мне в чудесном сне.

Я тоже сорвалась с места и помчалась домой. Поделиться новостями с отцом, который повидал разных лошадей на выставках Далласа, Сокраменто и даже Кордовы. Но ни разу еще не сталкивался с настоящим мустангом лицом к лицу.

Коней «Алькасара» вывели на дневной выпас к южным воротам. Они выставляли шеи навстречу высокому солнцу и поглядывали на меня издали, как будто спрашивая, где их обещанный клевер. У конюшен росли только одуванчики и малочай, который приходилось часами выдирать, чтобы лошади не отравились. Клевер же для них – редкое лакомство,

за которым папа отпускал меня на поляну к дубовой роще лишь раз в несколько недель.

И надо же мне было отправиться туда именно сегодня!

Отца я увидела у сарая с вилами наперевес. Через неделю обещали проливные дожди и шквалистый ветер до двадцати пяти метров в секунду, потому все запасались сеном, сохшим на северной территории у фуражной. Отец как раз направлялся туда, и я нагнала его, пытаясь подстроится под широкий шаг. Но громадные сапоги ступали слишком быстро, как циркуль, очерчивающий лист бумаги.

В последние несколько лет отец почти не улыбался. После смерти матери и под гнетом забот попросту разучился. Его лицо изрисовали глубокие морщины. Лоб и носогубные складки превратились во вспаханные поля, неплодородные для радости. Со стороны могло показаться, что Клинт Маккой вечно чем-то недоволен, но душа моего отца была чище воды в ключевом источнике. Шире пролива Дрейка и больше самого Тихого океана. И неспокойно в ней бывало так же часто.

Вот и теперь он весь погрузился в свои мысли. Подсчитывал запасы корма для сезона дождей, поэтому даже бровью не повел, услышав, что я видела.

– Ты выдумщица, Элла, – продолжая свой марш, произнес отец с улыбкой. – Мустанги не водятся на востоке. Тем более в Веддингтоне.

– Но это был мустанг! Я не могла перепутать. И мне ка-

жется, что это лошадь с золотыми копытами.

Из всех отцовских историй больше всего я любила легенду о лошади с золотыми копытами. Прекрасном создании с кожей цвета сливочного масла и нравом сродни урагану. Оно скитается по свободным землям и дышит вольным воздухом. Его не поймать, не приручить, но тот счастливчик, кто однажды увидит его своими глазами, обретет удачу, что до конца дней не покинет его.

Вздох опустошил легкие отца и мою надежду заодно: моей истории о встрече с непокорным жеребцом никто не поверит. Я поняла это по глазам отца, глядящим под ноги. И по его пыльным сапогам, которые втаптывали мой восторг в траву.

– Ты не веришь мне…

– Лошадь с золотыми копытами – всего лишь старая байка. Чем придумывать всякие небылицы, лучше возьми грабли и помоги Джиму. Нужно запастись к выходным, иначе весь укос зальет.

Я остановилась, а отец продолжил уверенно ступать к северной ограде. Обида сжала сердце так сильно, что слезы выступили на глазах. Но я смахнула их, не привыкшая показывать слабость.

Никто не видел моих слез с тех самых пор, как дядя Джим усадил меня в седло Балтимора. Не проехав и трех метров, я упала на куст дамского винограда, чуть не переломав его пластичную лозу и собственный хребет. Мне было шесть, и

слезы сопровождали каждый мой выход из дома, потому что я все время падала: то с лестницы, то с забора, то в кучу с навозом. И каждый раз отец усаживал меня на колено и жалел, утирая слезы рукавом пропахшей потом рубашки. Но в тот раз он вытащил меня из винограда, отряхнул и строго сказал:

– Как только ты садишься в седло, пора забыть о детстве, дорогая Элла. Ты хотела научиться ездить верхом, значит, твое детство закончилось. С лошадьми нельзя проявлять слабость – они все чувствуют. Так что вытри слезы и реши, чего тебе хочется больше.

Остаться ребенком или скакать верхом… Ни отец, ни Джим не произнесли этого вслух, но я все равно услышала.

И больше не плакала о разбитых коленках, порванных штанах и вышедших из моды сапогах. Не жаловалась на пропахшую сеном и навозом одежду и на выходки Брайса. В шесть лет мое детство закончилось, и проступившие слезы тут же высохли на моих ресницах.

Я знала, что видела мустанга. И знала, что однажды мне поверят.

– Вот увидишь! – крикнула я удаляющейся спине отца. – Это была лошадь с золотыми копытами! И однажды она принесет мне удачу.

***

«Лошадь – это поэзия в движении».
Рональд Дункан

Глава 1

Пятнадцать лет спустя

– «Алькасар» не продается!

– У всего есть своя цена.

– Только не у того, что бесценно.

Роберт Брюлле уже в третий раз заявлялся сюда и предлагал свою цену за «Алькасар». Щедро ставил на деревянный стол бутылку бренди «Кентукки Оул» за триста долларов и усаживал свой зад в брюках от «Хьюго Босс» на старый стул. Даже тот поскрипывал под его напором, что уж говорить об отце. Ему приходилось отбиваться от настырного покупателя и отстаивать свой авторитет на собственной земле.

Проведя всю жизнь на фермах, в полях и конюшнях, привыкаешь к амбре навоза и лошадиного пота. Но даже сквозь этот животный смрад я учуяла запах жареного, как только блестящий родстер «Ягуар» мистера Брюлле подкатил к главным воротам «Алькасара». Его сверкающий капот цвета топленого масла отражал солнце, хромированный молдинг ослеплял своим сиянием. Сам же двухместный автомобиль годился разве что для прогулок по побережью Лазурного берега. А в этой глуши Северной Каролины смотрелся неуместно. Впрочем, как и сам Бобби Брюлле.

Я как раз заканчивала расчесывать гриву Иберии, когда этот тюфяк в дизайнерских парусиновых брюках вывалил-

ся из салона и оглядел «Алькасар» с видом собственника. Так смотрят только на то, что тебе принадлежит. А по мнению Бобби Брюлле, ему принадлежал если не весь мир, то хотя бы эта его отдаленная часть, где обозначил свои границы Веддингтон. Его владения и так разрослись на угрожающе огромную территорию, упираясь в наши луга на востоке. От соседства Бобби Брюлле и его «Идальго» мы несли катастрофические потери.

Оставив «Ягуар» коптиться на весеннем солнце, Бобби вальяжно вошел на территорию нашей конюшни, посвистывая под нос и осматривая каждую травинку с особой придирчивостью. Хлопнув дверью, Бобби задержал свой задорный взгляд на мне, чуть коснулся пальцами шляпы и выдавил самодовольную улыбку. Я лишь сильнее сжала гребень, пока его зубцы прочесывали спутанную ветром гриву Иберии.

Та словно почувствовала, как сам воздух пропитался опасным запахом бензина. Брось спичку – и все загорится к чертям. А характер у моего отца такой, что даже искры хватит для того, чтобы спалить все дотла.

Едва туфли Бобби из крокодиловой кожи вошли в главный дом, я бросила свое занятие. Похлопала Иберию по загривку и отложила гребень, чем вызвала ее колоссальное неодобрение. Она хмыкнула мне в лицо теплым воздухом и махнула хвостом в знак обиды.

– Что-то намечается? – послышалось за спиной, когда я уже подходила к крыльцу.

Брайс тоже оставил все дела в конюшне, лишь бы поспеть до того, как из дома станут вылетать стекла. В прошлый раз так оно и было – позолоченная подставка для ручки, выигранная отцом в рейнинге в Честерфилде, вылетела в окно. Проделала дыру в стекле и засыпала флоксы миссис Шеффилд осколками. Та еще двое суток причитала: ее «подопечные» потеряли головы в этой битве.

– Когда приезжает Роберт Брюлле, добра не жди, – сказала я, поднимаясь на порог.

– Может, не стоит вмешиваться? – Брайс придержал меня за руку, не давая грязным сапогам оставить след на деревянном крыльце. Он часто вот так пытался коснуться меня… – Я знаю, что для твоего отца значит это место, но «Алькасар» уже не тот, что прежде. Появление Бобби Брюлле может нам помочь…

– Ты серьезно?

Вырвав руку из его хватки, я взглянула в стыдливо бегающие глаза Брайса. Во мне родилось рьяное желание защитить то, что Маккои так долго выстраивали собственными руками.

– Может, «Алькасар» уже не тот, что прежде, – процедила я сквозь зубы. – Но это наш дом. Он стоил нам долгих лет упорного труда, мозолей на руках и стертых пальцев. Не говори мне, что стоит отдать это место в лапы Бобби Брюлле только потому, что он предлагает золотые горы…

Грохот выстрела заставил меня замолчать. Последние сло-

ва проглотило эхо, которое подхватил ветер и разнес по окрестностям. Инстинкт самосохранения согнул меня пополам, прикрывая голову от разлетающихся осколков. Те осыпали нас с Брайсом дождем и снова застелили клумбу миссис Шеффилд.

Этот звук ни с чем не спутать. «Реммингтон» служил отцу верой и правдой, хоть и редко выглядывал на свет из шкафа-витрины, где бдительно охранял все награды отца за всю его жизнь. Ружье никогда не стреляло в живую мишень – только жестяные банки и стеклянные бутылки сыпались перед его свинцом на части. Но раз в год даже палка стреляет. Или отцовский «Реммингтон».

Выстрел спугнул лошадей. Тревожное ржание околдовало округу. Птицы, стаями терроризирующие кормушки с овсом, взметнулись темной воронкой и унеслись подальше. Злостные голоса набирали амплитуду, нарастали по своей проекции и вылетали из пробитого стекла жарким спором. Спичка все же была брошена. Надо успеть потушить пламя.

– Успокой лошадей! – скомандовала я Брайсу, когда раскат от выстрела смолк в ушах. – А я к отцу.

Не успела я вбежать в дом, как услышала второй выстрел. Снаряды продолжали дырявить оконную раму и пугать живность «Алькасара». Я знала, что отец не станет убивать Роберта Брюлле, ведь еще матери поклялся, что ни одна живая душа не сгинет от его ружья. Но сердце все же волнительно бухало в груди.

Ворвавшись в кабинет отца на первом этаже, я застала его с «Реммингтоном» наперевес. Дуло дымилось, как гигантская сигара. Отец принял бравую стойку по ту сторону своего громадного стола и выглядел настоящим исполином в этом облаке дыма и взметнувшихся бумаг. Красный и яростный, как сам дьявол, он продолжал целиться куда-то в другую сторону кабинета.

– Еще раз повторить, Брюлле, или с тебя достаточно?

Взъерошенный точно цыпленок на ощипе, Бобби Брюлле скрутился в комок и замер под подоконником. Белая рубашка помялась и покрылась следами пота. Жилет разошелся по швам, пока тот прикрывал голову руками – даже самая идеальная строчка шелкового шва и сам Хьюго Босс дадут слабину перед лицом Клинта Маккоя. Окно над головой Бобби Брюлле осталось без стекла. Двойной выстрел расшиб его в пух и прах, осыпав прозрачными крошками не только клумбу миссис Шеффилд, но и редеющие волосы гостя.

– С него достаточно! – я вмешалась, встав на пути дула живым щитом. – Опусти ружье, отец!

– Этот мерзавец приходит сюда и предлагает мне сущие гроши, а я должен встречать его с распростертыми объятиями?! – возмутился отец. «Реммингтон» все еще смотрел одним глазом мне в грудь, разгоняя сердце до скорости «Феррари». – Я выпущу ему кишки, если только…

– Ты еще поплатишься за это, Маккой! – пропищал Бобби, все еще прячась за подоконником и моей спиной. – Вот

увидишь, я натравлю на тебя всех, кого только сумею!

– А я накормлю их двадцатым калибром!

– Отец! – почти рявкнула я, и только тогда он пришел в себя. «Реммингтон» медленно опустился.

Обернувшись к незваному гостю, я строго посоветовала:

– А вы выметайтесь отсюда, пока я сама не взяла ружье!

Долго упрашивать не пришлось. Откормленный дорогими обедами и сладостными винами из самого Бордо Бобби Брюлле совершили невозможное и за одно мгновение оказался у выхода из кабинета. В дверях он все же замер и направил наэлектризованный взгляд на врага.

– Я сотру тебя и твою конюшню с лица земли, Маккой! Лучше бы ты принял мое предложение, пока не стало слишком поздно. А теперь я не помогу твоей заднице, даже если она приползет ко мне и будет молить купить эту дыру.

В ответ щелкнул затвор и показалось дуло. Бобби Брюлле унес свой зад из нашего дома раньше, чем прогремел еще один выстрел. Стена чуть левее головы Роберта разлетелась благородным дубом цвета махагона. Когда щепки осыпались и пыль осела, я увидела дыру, проходящую насквозь, а через нее – лестницу с резными перилами.

Подняв шляпу гостя, я бросила ее через дырявое окно на улицу, прямо к крокодиловым туфлям Бобби Брюлле. Тот испуганно подпрыгнул, схватил шляпу и одарил меня всеми проклятиями, которые только знал. В тишине остывающего дома послышался рык «Ягуара», уносящегося прочь. От ви-

зита Бобби Брюлле остались лишь две фигурные колеи там, где пробуксовали его непригодные для таких поездок шины.

– Чем дырявить дом, лучше бы просто вышвырнул его вон, – как можно спокойнее подметила я, когда отец отложил ружье и устало плюхнулся в кресло. – Что на тебя нашло? Ты что, правда собирался подстрелить этого проходимца?

– Я не убийца, Элла. За всю жизнь не обидел ни одного живого существа, даже такого мерзкого, как этот слизень.

Обойдя стол, я убрала «Реммингтон» на его законное место в шкафу – от греха подальше – и села на край стола, глядя на отца так, словно видела впервые. Седые волоски продолжали засеивать голову Клинта Маккоя. Когда-то эта шевелюра блестела каштановым отливом на ярком солнце Северной Каролины, а теперь засыхала, как трава по осени. Под глазами прибавилось морщин – не от старости, а от тягот жизни, а их выпало немало на долю отца.

– Бобби уже дважды предлагал тебе купить «Алькасар», но ты ни разу еще не палил в него из ружья. Что изменилось на этот раз?

– Он посмел угрожать мне, Элла. Угрожать всем нам.

Заплывшие туманом глаза прикрыли тяжелые веки.

– Сказал, что у всего есть своя цена. Предложил какие-то двести тысяч за конюшню и лошадей. А если я не соглашусь…

– Что тогда?

– Тогда он уничтожит все, что я так долго выстраивал.

– Это пустые угрозы, – фыркнула я, вспоминая, как жалок бывает шакал в испуге. – Они ничего не стоят, как и сам Бобби Брюлле.

– С такими деньгами, как у него, можно уничтожить кого угодно, – печально отозвался отец. – И мы не сможем защититься.

Я подняла глаза на покоящийся за стеклом шкафа «Ремингтон», остывающий после перепалки. Он прогнал зло из нашего дома однажды, но вряд ли справится во второй раз. Отец говорил дело: с такими деньгами, как у Бобби Брюлле, можно многое.

Но с такой волей, как у Клинта Маккоя, можно гораздо больше.

***

«Слава беговой лошади всегда достается жокею».

Эмиль Кроткий

Глава 2

Рокот ипподрома всегда завораживал и заставлял меня чувствовать себя песчинкой в песочных часах. На ипподром в Уэйдсборо занесло три тысячи таких песчинок. Любителей конного спорта и высоких ставок со всех уголков Северной Каролины, а быть может, и дальше.

Тех, кто побывал на «Гольфстрим Парке» в Майами или на Венсенском ипподроме в Париже, не удивить масштабом развернувшихся событий. Это как сравнивать Веддингтон и Нью-Йорк. В Уайдсборо всего-то был скаковой круг длиной тысячу шестьсот метров, покрытый песком. Никаких тебе огромных табло, фотофинишей и прямых трансляций на все каналы. Результаты забега фиксировала судейская комиссия, после чего их выводили на небольшой экран у выхода к конюшням.

Три ложи по одну сторону скаковой дорожки оккупировали те, кто ждал старта продаж еще за месяц до сезона скачек. Простые «смертные» любители лошадей прибыли сюда проиграть пару долларов и пощекотать нервы легким азартом.

По другую сторону виднелись ложи класса «люкс», так и пестрящие белыми одеждами и шляпами под стать местной элите. Та сторона создавала заметный контраст: ряды удобных кресел, официанты в белых передниках, шампанское по пятьдесят баксов за бокал. В основном там собирались так

называемые сливки общества и спонсоры подобных сборищ, прибывающие сюда на кабриолетах и «Роллс-Ройсах» с блестящими решетками.

Скоро жокеи выведут своих скакунов на арену и начнутся игрища. Я разглядывала тот, другой мир в маленький бинокль, который всегда брала с собой на соревнования. И в поле зрения мне попадались разряженные в шелковые платья дамы, ни черта не смыслящие в скачках, зато выгуливающие свои новые шляпки или шпильки от «Сен Лорен». В своих старых, но любимых синих джинсах-палаццо и белой рубашке я же смотрелась слишком просто.

Некоторые лица казались свежими, других я знала чисто символически: видела в заголовках новостей или на других конных мероприятиях. Такие, как они, организовывали свой собственный тотализатор и дымили сигарами, превращаясь в одно единое дорогое облако дыма.

Взгляд мой на мгновение задержался на молодом мужчине. Он разительно выделялся из толпы, так как сидел с отрешенным видом. Ничем не хвастал и не светил своим состоянием. Русые волосы, зачесанные чуть на бок. Две морщинки на лбу от того, что часто хмурился. Красив, как дьявол, но пустые серые глаза портили ему весь вид. Кто-то тронул мужчину за плечо, тот оглянулся, и я вцепилась в бинокль, как в ружье.

Бобби Брюлле подплыл, как непотопляемый «Титаник». Пожал руку красивому незнакомцу, поприветствовал сосе-

дей по ложе и вдруг поднял глаза в мою сторону, точно чувствовал, что за ним следят. Рука чуть коснулась пол шляпы по старой привычке. Кривая усмешка знаменовала секрет, известный одному только Роберту Брюлле. Салют в мою сторону.

Я тут же опустила бинокль, чтобы не видеть этой самодовольной физиономии. Хватило нашей вчерашней встречи. Мы с отцом здесь не за этим.

До начала шоу оставались считанные минуты. Толпа роптала, обступив плотным кольцом: все переговаривались, приветствовали давних знакомых, делали ставки. Через каких-то пару мгновений все изменится, и голоса превратятся в рев: каждый будет выкрикивать имя своего жокея или кличку лошади, на которую поставил связку долларов.

Нас с папой и дядей Джимом прибило к перилам третьего сектора. Как только мы протиснулись на свои места, купленные еще за три недели, к отцу тут же потянулись руки давних знакомых. Рой Кингстон, Чарльз Бреннан, Колин Фаррелли… Каждый чемпион в своем виде спорта, в свое время. И все они собрались там, где когда-то собирались в качестве участников, а не зрителей.

Все уже прибыли на главное событие сезона – открытие скачек в Уйэдсборо. После сегодняшних забегов начнутся соревнования по всем видам конного спорта, которые будут перемещаться по всему штату от Нью-Берна до Чероки.

Папа и Джим полностью погрязли в разговоре с прияте-

лями, с которыми не виделись с последних скачек осени в Кентукки. Я нервно поглядывала на пустые ворота и песчаную дорогу впереди. Скоро там помчатся лучшие скакуны всей Северной Каролины.

– Волнуешься?

Рядом вдруг возник Брайс с картонной коробкой соленого попкорна. Как всегда беззаботный и расслабленный, словно весь мир принадлежал ему одному.

– Как там наши ребята? – спросила я, отказавшись от протянутого попкорна.

– Лоренс, как обычно, заряжен, а вот Скотт мандражирует, – послышалось сквозь жевание и хруст.

– Не удивительно. Это его вторая гонка. С документами все в порядке?

– А ты во мне сомневаешься?

Нельзя просто так прийти с улицы и заявить свои права на участие в этом спорте. Бюрократия добралась и до мира скачек, диктуя целый список условий. Помимо лицензии, медицинской страховки и допуска к заезду самого жокея, участник должен предоставить паспорт лошади, справку от ветеринарной комиссии и много чего еще. Важен даже вес жокея – взвешивание происходит прямо перед соревнованиями. Высоким и коренастым нечего было делать на скачках, мне ли не знать. Я сама проходила через все эти проволочки ради каких-то десяти минут эйфории на стадионе. Но таковы правила, и в «Алькасаре» за них головой отвечал Брайс.

Он жил на территории конюшни со своим отцом Джимом с тех пор, как я себя помню. Порой казалось, что о лошадях он знал больше меня, просто притворялся этакой шальной пулей, что летала туда-сюда без дела. Когда-то дядя Джим занимался организацией и подготовкой документации, но как только его единственный сын стал подавать первые признаки того, что взялся за ум, эту ответственность возложили на него. И до этого дня Брайс отлично с ней справлялся.

– Наши стартуют во втором и пятом заездах, – Брайс отправил горсть попкорна в рот и сосредоточил взгляд на воротах, к которым скоро станут стекаться наездники. – Я слышал, Бобби Брюлле тоже выставил своих фаворитов.

– В прошлом году его так называемые фавориты пришли почти последними.

– Но в этом все будет по-другому, Элла, – безразлично пожал плечами Брайс. – Если ты еще не слышала, он заманил к себе Дойла Картера и Райана Палмера. Это недешево ему обошлось.

Я еще крепче сжала бинокль, вымещая на нем скрытую ярость. Дойл Картер – трехкратный чемпион Кентукки Дерби и бронзовый призер «Кубка Пегаса» – самых дорогих скачек мира. За первое место в них дарят щедрое вознаграждение не только в виде кубка и почестей, но и шестнадцать миллионов долларов. Правда, и для участия жокеи должны внести миллион, так что для приманки Дойла Картера Бобби и правда пришлось раскошелиться.

Райан Палмер пока не дотягивал до уровня Картера, но считался перспективной восходящей звездой скачек на западе. «Бридерс Кап Классик» покорился ему с первого раза – какие еще вершины он собирается взять, помимо Уайдсборо?

На их фоне наши наездники тут же уменьшились в размерах, хотя и так были не высоки. Наверняка Бобби Брюлле сделал все возможное, чтобы впихнуть своих чемпионов в одну линию с нашими любителями. Оглянувшись на отца, по его улыбке и беззаботной болтовне с приятелями я поняла, что он вряд ли знает о таком ходе оппонента. Наша комбинация заведомо проигрышная, но мы еще поборемся.

– Сделал ставку? – я вскинула бровь, заметив, как Брайс сложил пополам чек и убрал в карман джинсов. – Снова просаживаешь все деньги на скачках? Дядя Джим тебя убьет.

– Не убьет, если не узнает.

– На кого хоть поставил? На Лоренса?

Но Брайс не успел ответить.

– Дамы и господа! Любители лошадей и настоящего азарта! – раздался звонкий голос сразу отовсюду. Толпа смолкла и подарила все внимание ведущему. – Добро пожаловать на открытие сезона в Уайдсборо!

Толпа взорвалась радостной волной и тут же стихла, чтобы не упустить самого главного.

– Мы рады приветствовать вас сегодня на этом великолепном событии – ежегодных скачках, где страсть, скорость

и грация соединяются в одно яркое, незабываемое приключение.

Люди внимали каждому слову ведущего, пока их сердца лихорадочно замирали в предвкушении.

– В этом году, – продолжал четкий голос, самого же ведущего было еле видно где-то под козырьком судейских трибун. – Нас порадовал наплыв участников. Как замечательно, что в этом спорте принимает участие все больше и больше юных лиц…

Я почти не слышала диктора. Я чувствовала волнение момента. Натянулась струной, которая вот-вот порвется. Так бывало каждый раз, когда мои ноги ступали на песок ипподрома, а ноздри вдыхали запахи сена и лошадиного пота.

Трепет нарастал. Трава побагровела от солнца, и утренние лучи нежно коснулись тренированных спин породистых лошадей. Жокеи медленно, сосредоточенно и с легким волнением приближались к стартовым позициям. Они шли по кругу, вбирая в себя атмосферу этого особенного дня – дня борьбы, скорости и славы.

– Наши участники уже прибывают к старту. Давайте поприветствуем их бурными аплодисментами! Встречайте: под номером один выступает Джек Арчер с его неподражаемым чистокровным верховым Маренго. На счету Джека и его соратника числятся…

Одного за одним жокеев встречали со всеми почестями – сегодня они герои. Сегодня их искупают не только в солнеч-

ных лучах, но и в зрительской любви.

Кони, грациозные и мощные замерли в стойлах – с самого рождения они были готовы к состязанию с песком, ветром и своим страхом. Жокеи, облаченные в яркую разноцветную экипировку, крепко держали поводья, ощущая каждое движение своих жеребцов. Взгляд сосредоточен и спокоен, ни намека на учащенный пульс или дрожь в пальцах, ведь сегодня все решит одна секунда.

Стартовые ворота открылись, и лошади задрожали от предвкушения, занимая свои места. Из этой клетки откроются двери в новый мир…

– Вы готовы, дорогие зрители?

Волнительная тишина зазвучала громче криков. Так наступает штиль перед бурей. Время замедлилось, стадион притих, даже дым от подожженных сигар на секунду перестал виться над ложей богачей. Все сосредоточилось на этом мгновении.

Жокеи сильнее сжали вожжи. Лошади устремили зоркие глаза лишь вперед. Они знали свое дело. Две половины одного целого, которые не могут существовать по отдельности. Когда-то и я испытывала этот мандраж. Меня захватывала лихорадка страха и желания. Зов скорости и величия. Аромат боли и побед. Одно единственное падение стерло мое имя со всех табло ипподромов отсюда и до самого Ливерпуля. Теперь я могла лишь смотреть.

Раздался сигнал.

Ворота распахнулись. Время помчалось с бешеной скоростью, а за ним – все десять лошадей. Их шерсть переливалась под лучами солнца, покрывалась каплями пота от каждого движения. Мышцы перекатывались под кожей, пока мощные ноги гнались за соперниками вперед, рассекали встречный ветер и вбивали копытами песок, оставляя после себя ямки.

Жокеи принимали удобное положение, выписывая из своего тела режущие воздух копья. Мысленно я повторяла за ними то, что тренировала годами. Напрячь ноги, чуть согнуть в коленях, пригнуться к спине своего быстрого напарника и оттопырить пятую точку вверх. Фигура не высшего пилотажа, но она помогала словить баланс, принять аэродинамическое положение и маневренность. Так усиливался контакт с лошадью – ты мог правильно передавать команды от тела к телу через бедра и ноги.

Всего секунда, и трое фаворитов унеслись вперед. Еще секунда, и разрыв стал недосягаем, как солнце для воробья. Номера один и восемь схлестнулись в схватке за первое место, оставив соперников глотать пыль где-то позади. Я взглянула на табло: Джек Арчер и Гордон Шарп занимали первые строчки состязания, вызвав сшибающую с ног волну оваций. Каждый болел за своего жокея.

Они шли нос к носу, копыто к копыту, точно копировали движения друг друга. Ни поворота, ни взгляда вбок на соперника, чтобы не потерять концентрацию и баланс. Одно неверное движение – и связь с лошадью и дорожкой разо-

рвется. Так гоночная машина теряет сцепление с трассой на скорости в двести километров в час. Здесь ставки почти такие же: поражение и даже смерть.

Арчер и Шарп слились в одну линию. Кони молотили землю, выпускали пар из ноздрей и толкались боками. Пять метров, четыре… Непонятно, кто кого опережает, кто кого разобьет в финале. Наша ложа засуетилась. По ту сторону ипподрома бежевые костюмы тоже заволновались, повскакивали со своих мест – чья-то ставка сейчас сработает, а чья-то прогорит.

Секунда решает все в этом мире. И она решила.

Раздался финальный гонг. Стадион завопил, загромыхал, оглушая со всех сторон. В ушах зазвенело от победных ликований и проигрышных причитаний. Грудь наконец отпустило, сердце забилось ровнее – от такого азарта я почти не дышала, хоть даже и не ставила ни на кого из участников. Как же я обожала это чувство. Словно побывал в небе без парашюта и благополучно приземлился. Живее, чем раньше.

– И у нас есть победитель! – кричал в микрофон ведущий. – Джек Арчер и его Маренго!

Я присоединилась к аплодисментам, покрываясь мурашками.

– Мы на очереди, – взволнованно произнес отец, вставая между мной и Брайсом. – Волнуюсь так, словно сам участвую в заезде.

– Все будет в порядке, отец, – я похлопала его по плечу,

хотя ладони мои вспотели. – Лоренс знает, что делает. Он занимается этим уже двенадцать лет.

Про новых жокеев Бобби Брюлле я умолчала, чтобы лишний раз не волновать отца. Хотя через мгновение он сам обо всем узнает – со стороны конюшен показались носы следующих лошадей и уверенная поступь их хозяев. Один, второй, третий…

– Приходите в себя, дорогие друзья, и встречайте второй круг участников! Под номером один выступает несравненный и непобедимый Дойл Картер…

– Дойл Картер? – встревожился отец, впиваясь глазами в жокея в голубом. – Это же… не может быть. Что он забыл в Северной Каролине после триумфа на Кентукки Дерби?

– Не хотела тебе говорить… Это Бобби Брюлле переманил его сюда.

– Конечно! – всплеснул руками отец, буравя глазами ложу по ту сторону ипподрома. Со зрением у Клинта Маккоя всегда было все в порядке, и я была уверена, что он целился глазами прямо в Бобби. В эту нахальную улыбку и белую шляпу на лысеющей голове. – Этот мерзавец хочет утереть нам нос. Но Лоренс так просто не сдастся!

За воротами конюшен появился ручеек из жокеев – среди них не было видно Лоренса.

– Где Лоренс? – прочитал мои мысли отец, хватаясь за перила и почти перевешиваясь через них. – Где, черт побери, наш жокей?

Меня волновал тот же вопрос, пока я разглядывала девятерых всадников, подводящих своих коней к стартовым воротам. Они готовились показать миру все, на что способны. Но одни ворота оставались пустыми, напоминая, что дом «Алькасара» ничего показать не способен.

– К сожалению, Лоренс Элвуд, выступающий за «Алькасар», не допущен к заезду…

– Что?! – ахнули мы с отцом в один голос.

– Какого черта? – отец обернулся к Брайсу, который вытирал руки от попкорна. – Почему он не допущен?! Ты все сделал, как надо? Донес все документы?

– Конечно, мистер Маккой, – чуть ли не с обидой отозвался тот. – Вы же меня знаете. Все, что касается документов, у меня всегда на высоте!

– Тогда какого хрена здесь творится?

– Сам не знаю. Может, Лоренс не прошел финальное взвешивание?

Отец приблизился к Брайсу и чуть ли не столкнулся с ним грудь в грудь, превращаясь в оборонительную скалу.

– Я сам помогал ему сбросить последние три кило и лично взвешивал его сегодня утром! Думаешь, он успел где-то наесть лишние килограммы?

– Отец, успокойся, – осадила я папу, кладя руку ему на спину. Когда дело касалось конюшни или соревнований, Клинт Маккой превращался в фурию, сметающую все на своем пути. – Я уверена, что Брайс ни в чем не виноват и

всему найдется объяснение.

– Ладно, пойду получу его. И заодно узнаю, допустят ли Скотта. Не хватало еще спустить все взносы к чертям и не занять даже последнего места!

Больше не разделяя ликование толпы, отец стал проталкиваться сквозь сомкнутые ряды ложи и пробираться к судейскому столику. Но оставалось мало времени, если мы хотели попасть в эту гонку. Объявили предпоследнего участника, перечисляя все его заслуги. Я так и чувствовала на себе едкий, прожигающий прожектором взгляд с той стороны трибун – Бобби Брюлле наслаждался проволочками с нашим жокеем и заранее восхвалял победу своего.

– В воротах номер десять вы можете видеть знаменитого Алекса Дженнера, взявшего золотой кубок на скачках здесь, в Уайлдборо прошлой осенью. Зрелищное закрытие сезона вышло, я вам скажу…

Тело покрылось колючими мурашками, сердцебиение застряло где-то в горле. Я подгоняла отца каждой клеточкой тела и каждой мыслью – он должен успеть выяснить, почему нас не допустили к участию, задержать гонку и вернуть Лоренса в его законные седьмые ворота. Фигура отца быстрым и яростным шагом прошла через все трибуны к судейскому столу. Ведущий продолжал говорить, пока отец разбирался с судьями. Я видела лишь движение его губ и взмахи руками.

Отец отошел от стола, выкрикнув что-то наверняка нелестное. Прозвучал сигнал – ворота распахнулись, копыта

сотрясли землю единым залпом. Жокеи погнали своих лошадей к финишу, но я даже не следила за гонкой. Кое-как протискиваясь сквозь разгоряченные тела, глохнув от оглушительного рева, я выползла из ложи и подбежала к папе. Брайс и дядя Джим последовали за мной.

– Что случилось?

– Чертовы бюрократы! – отец обозленно пнул валяющийся на земле чей-то стакан с недопитой газировкой и упер руки в бока. – Что б им всем провалиться! Лоренс не сможет сегодня участвовать.

– Почему? Что они сказали?

– Не хватает ветеринарного заключения для Блейзера.

– Но Брайс уверял, что с документами все в порядке.

– Так и было! – оправдательно подтвердил Брайс.

– Значит, Брайс ошибся. И эта ошибка стоила нам взноса и автоматического проигрыша. Как ты мог так подвести нас? – взревел отец и схватил Брайса за грудки. Рубашка скомкалась в цепком кулаке Клинта Маккоя. – Не донес какую-то жалкую справку на коня?!

– Отпусти его, Клинт, – попросил Джим и встал между, как щит. Отец всегда будет защищать свое детище, будь то сын или конюшня. – Даже если он виноват, не спускай всю злость на него.

– Мы облажались, Джим. Я облажался. Нельзя было доверять это все Брайсу. Он безответственный.

– Ну спасибо! – по-детски обидчиво буркнул Брайс. Он

сам выглядел сбитым с толку и подавленным, так что я решила, что настала и моя очередь вступиться за него:

– Раньше такого не случалось. Это всего лишь ошибка. Мы все их совершаем.

– Ты права… – вздохнул отец с усталостью. – Но я с тобой еще поговорю, Брайс. Мы не закончили. Пока схожу к Лоренсу. Я успею до того, как будет выступать малыш Скотти.

Плечи отца сгорбились под тяжестью неудачи, когда он пошел в сторону конюшен. Джим последовал за ним – верный товарищ с далеких лет, когда «Алькасар» еще крепко стоял на ногах и мог дать фору любой конюшне в радиусе тысячи миль. Все менялось на моих глазах. Даже эти двое. Сила уходила, постепенно уступая место усталости, старости и смирению с тем, что как раньше уже не будет.

– Мне жаль, Элла, ты же знаешь… – заговорил Брайс, когда мы остались одни. – Я клянусь, что донес каждую справку. Наверняка они сами потеряли ее и сбросили все на нас.

– Все может быть. Я не виню тебя, Брайс. Такое могло случиться с кем угодно.

– Так ты не злишься? И не винишь меня, как твой отец? Это много значит для меня…

Приблизившись ко мне на расстояние вытянутой руки, Брайс вдруг отобрал у меня весь свежий воздух, всю свободу. Его глаза цвета молодого дуба посмотрели со знакомым желанием и мольбой, отчего мне становилось не по себе. Эти чувства никогда не были взаимны, хоть все эти годы он и не

переставал пытаться.

– Элла, ты…

– Не надо, Брайс. Нам надо вернуться и ждать выступления Скотти.

– Я просто хотел позвать тебя пропустить по стаканчику после скачек. Отметить, так сказать…

– Пока что нечего отмечать. Давай дождемся заезда Скотти и там посмотрим… – я попыталась обойти Брайса, но тот нежно и одновременно твердо взял меня за запястье.

– Ты все время уходишь. Неужели хоть раз ты не можешь остаться?

Глаза впились в меня. В них горело пламя, во мне же не зажглось ни искры.

– Прости, Брайс, но я должна идти…

Пальцы один за одним выпустили мою руку. Оставив Брайса глядеть мне вслед, я поплелась обратно на трибуны, растеряв весь задор и трезвея среди опьяненной драйвом публики. Брайс так и не присоединился ко мне ни на третьем, ни на четвертом заездах. К тому моменту, как среди новой партии жокеев появилось молоденькое личико Скотта Брауна, нашего малыша Скотти, отец и Джим уже стояли рядом и еще более напряженно ждали начала гонки.

Это был наш последний шанс хоть как-то удержать имя «Алькасара» среди лучших. Заявить о себе на весь следующий сезон. Неплохая реклама для туристов и любителей лошадей со всего восточного побережья. Нам нужно лишь по-

пасть в тройку лучших.

Ворота захлопнулись в пятый раз, загнав десятерых лошадей в клетки. Я не смотрела ни на кого больше, только на Скотта и такого же молодого жеребца Фрэнсиса, который обмахивался хвостом, как газетой от мух. Так он настраивался, чтобы в нужный момент ринуться вперед. Шоры заслоняли ему обзор, держа курс лишь в одном направлении.

За победой.

На мою ладонь, сжимающую перила ложи, водрузилась тяжелая, горячая рука отца. Мы сплели пальцы в надежде. Раздался сигнал. Ворота распахнулись. Точно пуля из дула, первым вылетел Фрэнсис и стал набирать скорость. Как и мое сердце. Оно стучало так же быстро, как копыта скакуна по песчаной, растоптанной в порошок дорожки. Скотт оторвался на полкорпуса от преследователя на черной лошади, но противник не сдавался и отчаянно нагонял. Райан Палмер следовал секунда в секунду, словно натасканный лишь для этого момента – вырвать победу у «Алькасара» из рук. И это Бобби Брюлле натаскал его.

И вдруг мое сердце упало куда-то вниз. Черный скакун вильнул влево. Два мощных, гибких и грациозных тела на мгновение столкнулись. Это напоминало даже не толчок, а мимолетное касание, как поцелуй бабочки. Но на такой скорости достаточно и такой малости.

Правая нога Фрэнсиса оступилась, подогнулась и потянула всю тушу вниз. А с ней и малыша Скотти, лицо которого

вытянулось ужасом.

– Нет, вы только посмотрите! Лидер гонки упал! Не может быть! – вопил ведущий, пока зрители заводились от такого накала страстей.

Я прижала ладони ко рту, чтобы не завопить от ужаса. Я знала, к чему может привести такое падение. Противники без зазрения совести понеслись вперед, вырывая победу друг у друга из копыт, пока наш Скотти кубарем катился по земле. Несколько раз он треснулся головой о твердь – шлем оказался бесполезен, когда слетел с подбородка и мячиком покатился прочь. Ржание содрогнуло каждый мой нерв – так плачут лошади от боли или горя. И Фрэнсис сейчас явно болезненно кричал, пока его шкура весом в пятьсот кило приземлялась прямо на наездника. Скотт скрылся из вида под телом лошади. Его раздавило половиной тонны живого веса.

Прозвучал финальный гонг. Гонка закончилась. Но толпа и не думала победоносно вопить. Все погрузилось в молчание, точно по усопшему. И только стук моего сердца напоминал, что я все еще жива.

***

«Когда наездник падает духом, его конь не может скакать».

Народная мудрость

Глава 3

Никто в здравом уме не бросится на скаковую дорожку, пока турнир не закончится. Пока не объявлено, что все жокеи прибыли к финишу и все ставки сыграли.

Но едва морда скакуна Райана Палмера пересекла финишную черту, я одним махом перепрыгнула через перила и уже мчалась по песчаному стадиону в сторону перевернувшегося всадника. Победителю не дали насладиться фурором – возбужденный ропот обратился жалостливым вздохом. Все внимание приковалось не к финишу, а к самому старту, где без движения лежал раздавленный жокей и неистово ржала лошадь. Фрэнсис качался, как буй в шторм. Никак не мог найти точку опоры и перевернуться. Издавал душещипательные звуки каждый раз, как больная нога касалась земли.

Несмотря на давнюю травму, которая всю оставшуюся жизнь будет давать о себе знать, я первой домчалась до места происшествия. Широкие штанины джинсов цеплялись друг за друга, а грудь жгло страхом за жизнь Скотти. Эта короткая пробежка вымотала меня сильнее, чем я могла вообразить – из смешанного адреналина и паники получается убийственный коктейль.

– Скотти! Скотти, ты меня слышишь? – еще с расстояния стала звать я, пока ведущий пытался отвлечь толпу и вызывал бригаду медиков.

Я попыталась оттянуть коня за упряжь, но силы были неравны. Упав на колени перед перепуганным конем, я положила руку на его блестящую светло-коричневую шерсть и попыталась погладить.

– Тише, тише, Фрэнсис, – умасливала я, дрожа точно в мороз. – Ты должен успокоиться. Ничего страшного не произошло.

А сама думала об обратном. Каждое движение жеребца все сильнее вгоняло тело Скотти в землю. Я видела лишь ворох одежды красного цвета с вышитым «Алькасар» на спине да кусок белой ткани с номером «7». Такие метки надевали участникам на предплечья. Цифра подрагивала туда-сюда от каждой попытки Фрэнсиса встать на копыта. От звуков моего голоса конь немного успокоился и перестал биться в панике.

В нашу сторону уже мчалась бригада медиков с чемоданчиками наперевес. Им нужно как можно скорее добраться до пострадавшего, пока не стало совсем поздно. Если *еще* не поздно. Но для этого Фрэнсису надо уйти с дороги или хотя бы отодвинуться.

Но он все еще чуял страх, который выделяла каждая моя пора. Они все чуют и все знают, поэтому я попыталась дышать ровнее и утихомирить пульс. Шоры не позволяли коню видеть ничего кругом, лишь мое лицо, излучающее мнимое спокойствие. Умасливающий голос сделал свое дело: Фрэнсис рывком придвинулся ближе ко мне, снимая вес с наезд-

ника. За большущей фигурой коня я не видела, во что превратилось тело малыша Скотти. Но жизнь его уже оказалась в руках медиков.

Те обступили потерпевшего с трех сторон, разложили свои ящички и стали громко переговариваться. Я слышала лишь симптомы и показатели, наспех снятые с почти бездыханного тела.

– Дышит, пульс есть!

Следующие полчаса прошли как в тумане. Мы пропустили церемонию вручения – нам там делать было нечего, зато Бобби наверняка всласть порадовался своим победам. Два из двух – о таком можно только мечтать.

Трибуны опустели, ложи смотрелись дико и заброшенно без людей. Скотти забрали на скорой в ближайшую больницу, предварительно поставив неутешительный диагноз: сотрясение, перелом позвоночника и обширная гематома лицевой области. Помимо всего прочего. Пока карета скорой поглощала в себя носилки со Скотти, толпа наблюдала со стороны. Отец, дядя Джим и Брайс ходили вокруг, выясняя обстоятельства и куда направят пострадавшего. Я же продолжала сидеть рядом с Фрэнсисом и гладить его шелковистую шкуру.

Как только мигалки стихли за поворотом, занялись и нами. Раненного коня осмотрели на месте и потихоньку увели с глаз долой. Фрэнсиса разрешили забрать через час из лазарета – ветеринар, дежуривший на скачках, дал добро на его

«выписку».

– Всего лишь растяжение, – уверил он нас, отчего, впрочем, легче не стало.

Фрэнсис принадлежал Скотти, но, пока тот был не в состоянии распоряжаться его дальнейшей судьбой, отец решил забрать жеребца в «Алькасар» и присмотреть за ним до поры до времени.

Мы заперли Фрэнсиса в перевозке и готовились отправляться в побежденный путь домой. Отец появился через двадцать минут. Весь пылал красным пламенем, точно его подожгли где-то по пути. И даже ушат воды не смог бы его потушить. Он забрался в кабину пикапа и хлопнул дверью так сильно, что сотряслись стекла в домах на другом побережье.

– Ты что-то узнал о Скотти? – встревоженно спросила я, не спеша заводить двигатель.

– Я кое-что узнал о Лоренсе, – почти выплюнул он в ответ. – Встретил его на свою голову! Этот предатель заявил, что больше не будет участвовать.

– Почему?

– Сказал, что свое отскакал и теперь хочет побольше времени проводить с семьей.

– Он имеет на это право.

– Да он просто струсил после случившегося с малышом Скотти.

– На это он тоже имеет право.

– На трусость?

– На здравый смысл… На трусость… Называй как хочешь. Он двенадцать лет в седле, принес немало побед «Алькасару» и заслужил посвятить оставшуюся жизнь себе и близким.

– А мы лишились сразу двоих жокеев.

Мой отец буквально вырос среди покладистых лошадей, но частенько проявлял удивительное упрямство ослов. Сейчас его было не переубедить – может позже, когда поутихнет злость. Мне нечем было крыть аргументы Клинта Маккоя, потому что он считал, что его карта всегда выигрышная. Я вздохнула и повернула ключ зажигания – пикап забухтел так же громко, как и мой недовольный пассажир.

На нашем счету всегда числилось не меньше двадцати жокеев, участников бегов и конкура, но в этом году это число уменьшилось. Многие переметнулись к более успешным и денежным спонсорам. Так что потеря одновременно Скотти Брауна и Лоренса Элвуда, несомненно, ударяла по «Алькасару». Похоже, теперь все изменится.

Если малыш Скотти лишь дважды участвовал в заездах и пока не принес нам ни одной победы, то Лоренс Элвуд сыскал для «Алькасара» славу еще десятилетие назад. Я помнила, как он приехал к нам на подержанном «Вольво», с горящим сердцем выступать. Невысокий, щуплый, как и все жокеи. Я тогда только оканчивала старшую школу и раздумывала, стоит ли следовать по пути сверстников и отсылать заявки в университеты или же остаться с отцом и посвятить

свою жизнь «Алькасару», как в свое время сделал он.

Я осталась. Примеряла на себя форму жокея и тренировалась вместе с Лоренсом, исследуя совершенно новое для себя поприще. Он был старше на одиннадцать лет и не подошел многим конным клубам – был уже слишком стар. Но для Маккоев никогда не имели значения ни рост, ни цвет кожи, ни возраст.

Первые медали мы тоже завоевывали вместе. Падение перечеркнуло мою успешную карьеру, а Лоренс пошел дальше. Было жалко отпускать такого верного жокея, но рано или поздно это должно было случиться. Даже море порой отступает от берега.

Вырулив с ипподрома, мы тандемом тянулись следом за стареньким джипом дяди Джима в сторону дома. Как только мы съехали на 485 шоссе и Уайлдсборо сменился знакомыми пейзажами Веддингтона, на душе стало чуточку легче. Дом всегда лечит сердце. Даже такое зачерствелое и бурлящее, как у моего отца. Краем глаза я заметила, как он расслабился и перестал проклинать Бобби Брюлле, Лоренса и весь мир вместе взятый.

Отец сам занялся Фрэнсисом, отвел его в стойло к остальным лошадям и взялся за дело – тяжелая работа в конюшне всегда остужала его пыл, как ледяная вода. Из открытых ворот слышался его бубнеж. Дядя Джим и Брайс вылезли из джипа и косо посмотрели на меня.

– Может, стоит с ним поговорить? – поинтересовался дя-

дя Джим, складывая руки на груди.

– Думаю, лучше ему побыть одному. Это он так переживает все случившееся. Волнуется за Скотти и злится на Лоренса.

– А с ним-то что? – хмыкнул Брайс.

– Уходит от нас. Да и вообще из конного спорта.

– После сегодняшнего это и не удивительно, – покачал головой Джим, вспоминая скомканное тело малыша Скотти под тушей грузного коня. – И после того, что случилось с тобой…

– Это дело прошлое, – отмахнулась я и двинулась в сторону дома, мечтая принять душ и переодеть пропитанные потом и страхом вещи.

Но я не успела даже подняться на крыльцо – в ворота «Алькасара» влетел крошечный, красный «Форд Фиеста». Так муха влетает в окно – резко, не словить. Не заглушая двигателя, водитель распахнул дверцу и выпрыгнул нам навстречу, заставив три головы одновременно повернуться.

Я впервые в жизни видела эту взволнованную и чем-то озлобленную женщину. Малюсенькая, как машина, на которой пригнала, она могла бы с легкостью затеряться среди подростков. Она яростно уперла руки в бока и прожигала дыры в дяде Джиме.

– Лоретта, – дядя Джим шагнул к гостье. – Мне очень жаль, что так случилось.

– Тебе жаль?! Засунь свою жалость знаешь куда?! – палец

уткнулся в грудь дяди Джима, но будь ее воля, женщина врезала бы туда кулаком.

– Что здесь происходит? – вмешалась я, забыв о душе.

– Что происходит?! По вашей вине мой сын сейчас борется за жизнь!

– Элла, это мама Скотти, – объяснил дядя Джим, и все встало на свои места.

Злость и страх этой женщины сразу обрели смысл. Человеку всегда нужно найти виноватого.

– Вы обещали заботиться о нем, Джим! И что я получаю! – махала руками Лоретта Браун. – Переломанного и искалеченного сына! Да я вас засужу!

– Лоретта, послушайте…

– Нет, это ты послушай, девчонка! Скотт – мой единственный сын. И сейчас он одной ногой в могиле, потому что однажды еще ребенком увидел, как твой папаша побеждает в Кентукки Дерби. Я просила Клинта отговорить его от этого спорта, но тот был только рад принять в свои ряды новое пушечное мясо.

– Уверяю тебя, Лоретта, все было не так. Этот спорт сам по себе опасен. Твой сын знал, на что идет.

Дядя Джим положил руку на плечо мамы Скотти, но та скинула ее.

– Я обещаю вам, что вы еще поплатитесь!

И «Форд Фиеста» так же быстро упорхнул из «Алькасара», как и появился, оставив нас задыхаться выхлопными га-

зами и чувством вины.

***

«Лошади умеют слушать. А это куда важнее, чем говорить».

Астрид Линдгрен

Глава 4

Солнце отметило высшую точку на небе еще пару часов назад, а теперь плавно, но верно клонилось к горизонту. Темнело от желтых оттенков к красному спектру.

Приняв душ, я надела свежую рубашку, спрятала лицо под шляпой и вошла в конюшню. Запах сена и кожи обласкал ноздри – как же я любила этот аромат, как модницы Нью-Йорка любят «Шанель номер пять». Я пропиталась им с рождения и уже не представляла, что можно пахнуть как-то по-другому.

Отец возился где-то в дальнем конце конюшни, подсыпая овса в кормушку Джоя. Рубашка пропиталась потом и навозом, руки почернели, на джинсах появились пыльные пятна. Подавив в себе желание подойти и помочь, я отворила загон Дарби и коснулась теплой кожи кобылы. Она всегда была моей любимицей, с тех самых пор, как по случайности оказалась в наших имениях.

Двенадцать загонов обживали только породистые лошади, купленные на аукционах или ярмарках за баснословные деньги.

Американский пейнтхорс Дастан, наш король выездок с шестью золотыми и тремя серебряными кубками. Он покорил не только множество манежей по всей стране, но и Голливуд! Этот пятнистый красавчик снимался в двух вестернах

и заработал актерский гонорар.

Голландский теплокровный жеребец Джой, статный великан с лоснящейся темно-коричневой шкурой, точно облитый черной смолой. Свое он отработал сполна, отслужив кровью и потом одиннадцать лет на скаковых аренах. Пожилой и уставший, он все еще занимал королевское место в этой конюшне и сердце моего отца.

Иберия, наша восьмилетняя кобылица одной из самых красивых пород– аппалуза. Королева родео ни раз путешествовала в Техас на соревнования. Иберия также отличилась в других видах спорта: конкуре и выездке. Самая универсальная и самая капризная из наших питомцев, но заслужившая свое звание королевы.

Еще у нас были миссурийский фокстроттер Максвелл, «ирландский охотник» Максимус, андалузцы Бенито и Боливар, пони для самых маленьких гостей… И только Дарби не вписывалась в общий антураж чистокровности и аристократичности.

Отец буквально подобрал ее по пути домой. Лошадь металась в поле, чем-то перепуганная до полусмерти. Успокоив и приютив ее, отец два месяца пытался отыскать законного хозяина: по старинке расклеивал объявления, давал сводки в газеты и запускал сарафанное радио среди знакомых-коневодов. Возил блудницу на воскресные ярмарки – вдруг кто разглядит в кобыле свою. Я же пыталась помочь через интернет, но все безуспешно. И Дарби осталась с нами.

Она не дотягивала до своих сородичей по «Алькасару» ни ростом, ни заслугами, но я любила ее сильнее остальных. Может, это мне больше всего и нравилось в Дарби – она не была породистой. Она была не такой. Как и я.

– Привет, красотка, не хочешь немного прокатиться?

Когда моя ладонь легла на грациозное коромысло шеи, Дарби тряхнула головой и издала тихий звук, похожий на согласие. Она всегда поддерживала любые мои авантюры. Мягкие, точно сочная мякоть персиков, губы коснулись моей щеки, словно поцелуем.

Улыбнувшись свей старой подруге, первым делом я осмотрела упряжь – все должно быть идеально чистым и надежным. Сняв седло с вешалки, я с легким выдохом перекинула его через высокую фигуру Дарби. Крепко, но бережно, оно легло на круп и окутало спину мягкими ремнями.

Проверив набедренные повязки, подпруги и стразы, чтобы все было надежно и безопасно, я похлопала Дарби по шее, мол, «все готово». Можно и глотнуть свободы наконец.

Выводя Дарби из загона, я в последний раз оглянулась на отца и крикнула:

– Мы немного прокатимся!

Но тот даже не поднял головы, а сгребал и сгребал сено, точно надеялся найти под ним клад. Не став мешать отцу снимать напряжение, мы с Дарби вышли на вечернее солнце и слились в единую шахматную фигуру – всадника на коне. Я с легкостью пушинки залетела в седло, хоть больная нога

в такие моменты всегда отдавала колким воспоминанием.

Через минуту мы уже скакали на юг, к фермерскому рынку, фермам Мисти Мидоус и так называемому центру Веддингтона, где можно было закупиться товарами первой необходимости, заглянуть в мясную лавку, протереть пару дырок в штанах в кафе или барах.

Я мчалась по мягким травяным холмам Веддингтона, пока стареющие ноги Дарби не начали устало притормаживать. Одышка чувствовалась всем телом – бока ходили ходуном, и Дарби постепенно снижала скорость.

– Утомилась, подруга? Давай сделаем перерыв.

В поле зрения как раз показалась Нью-Таун-роуд, любимая всеми местными улочка с цепочкой баров на любой вкус и размер кошелька. Во рту как раз вовремя пересохло – так захотелось ощутить вкус алкоголя на языке и хотя бы немного расслабить голову.

– Жди меня тут, – скомандовала я, привязывая Дарби к деревянному штакетнику, чуть склонившемуся в сторону васильков. – Я быстро, обещаю.

Четвероногая подруга благодарно тряхнула головой, задышала ровнее и с радостью стала щипать васильки.

«Желтый пони» в конце улицы собирал в основном пьянчуг или склочников, кто любил выпить много, но платить за это мало. Сразу за ним тянулись «Таверна» и «Тысячелетний сокол», вечно конкурирующие друг с другом из-за того, что владельцы оба продавали пиво собственного приготов-

ления по вековым семейным рецептам. Но я толкнула дверь в «Гавайский вечер» с искусственными пальмами по разным углам от входа. Когда я еще проведу вечер на Гавайях?

Глаза тут же привыкли к темноте и оценили обстановку. Пустовато, оттого и уютно. Народ начнет стекаться сюда только через пару часов, а пока я могла насладиться выпивкой и своим одиночеством где-то подальше от «Алькасара», раздавленного Скотти и гнева отца.

– Пива, пожалуйста, – попросила я скучающего бармена, который давно обслужил двух парней в клетчатых рубашках у окна и листал телефон.

Через минуту передо мной появилась бутылка «Бад Лайт» настолько холодная, что капельки конденсата стекали по стенкам, как пьяные слезинки. Сделав два глотка, я почувствовал холодок в гортани и легкую тягучесть в желудке. Этого-то мне и не хватало, чтобы забыть сегодняшний день хоть на мгновение.

– В компании пить всегда лучше, чем одной.

Тень справа превратилась в высокого и до боли знакомого мужчину чуть старше меня. До ужаса привлекательного. В легких светлых брюках, рубашке с засученными рукавами он смотрелся не к месту, как зебра на скачках. Обычно в «Гавайском вечере» или любом другом захудалом заведении Веддингтона такие кадры не появлялись. Я тут же узнала того богача со скачек из ложи напротив. Он приветствовал Бобби Брюлле, улыбался ему, как доброму знакомому, а

значит, распивать с ним пиво было не по чести.

– Смотря какая компания, – с преувеличенным безразличием ответила я и отвернулась к своей холодной бутылке пива. – Тем более, я не пью с незнакомцами.

– Ну, это легко исправить. Я – Джеймс.

От протянутой руки повеяло небезопасностью – точно пожми я ее, и тут же влипну во что-то вязкое. Руки я не пожала – пальцы были заняты пивом. Но незнакомца ничуть не смутила моя грубость. Он облокотился о стойку и щелкнул пальцами, выводя бармена из ленивой дремы.

– Дайте мне то же самое, – он указал на мой «Бад Лайт». От него не укрылось, как изогнулась моя бровь, когда я увидела с каким наслаждением тот отхлебывает дешевое пиво. – Вас что-то смущает?

– Люди вашего сорта не проводят вечера в барах, вроде этого, и не пьют напитки, вроде этого.

– Люди моего сорта? – с ухмылкой переспросил незнакомец. – Я что, по-вашему, колбаса?

– Вы тот, кто выкладывает несколько тысяч за брюки или люксовую ложу.

– Так вы видели меня на скачках? – моя оговорка ему польстила. – Что ж, это приятно, когда ты запоминаешься.

Нахальность этого проходимца задела меня за живое. Он мог бы так вальяжно цеплять дамочек по ту сторону Веддингтона, но не меня. Нужно было срочно поставить его на место, которое, впрочем, было довольно далеко отсюда: от

«Гавайского вечера», пива за два доллара и моих протертых джинс.

– У меня хорошая память на лица, – парировала я, все так же не глядя на этого Джеймса. – Особенно на те, которые я не хотела бы больше видеть.

– А вы грубы, – беззлобно подметил он, попивая свое пиво в полуметре от меня. Я чувствовала не только его едкую усмешку, но и аромат дорогого парфюма, так разнящегося с сеном и навозом, к которым я привыкла.

– Не я подсела без разрешения и надоедаю пустой болтовней. Грубы здесь вы.

– Я просто подумал, что вам нужна компания.

– У нее уже есть компания.

Нетвердой походкой, где-то уже слегка набравшись, Брайс подошел к нам сзади и горой навис над надоедливым богачом, точно помечая свою территорию. Он пришел сюда не один, с какими-то приятелями, которых я уже видела, но имен которых даже не знала. Одни из тех любителей пустить алкоголь по венам в конце тяжелого рабочего дня. Те ждали в сторонке, примостившись за столиком. Я не надеялась повстречать здесь Брайса, но сейчас была как никогда рада его видеть.

– Элла, он тебе надоедает?

– Есть немного, – улыбнулась я уголком рта, и Джеймс с любопытством проследил за этим движением. – Но он уже уходит, правда?

Снова эта кривая усмешка. Светло-серые глаза, словно отлитые мрамором, блеснули под тусклым освещением бара. Локти отклеились от стойки, фигура качнулась назад.

– Да, мне уже пора. Но если вам захочется компании поинтереснее, позвоните мне.

По стойке проехалась визитка. Черная стильная бумага с серебряными буквами:

Джеймс Холден

«Холден Ист Фонд»

Взгляд его проследил за мной, дожидаясь, пока я возьму визитку и спрячу где-нибудь под сердцем, но я едва ли взглянула на нее и снова уставилась в стену. Силуэт проскользнул за спиной и скрылся за дверью – Джеймс Холден улетучился быстрее запаха навоза после душа. И его место тут же заняли. Брайс уселся на высокий табурет рядом и отставил чужое пиво, как гранату без чеки. Попросил еще два и, также глядя вперед, заговорил:

– Лучше коротать вечер в одиночестве или с этим денежным мешком, чем со мной?

– Я просто хотела отойти от всех событий. Этот денежный мешок сам подошел.

С тех пор, как Джим Гринвилл с сыном появились у ворот нашей конюшни на стареньком хэчбеке с заваленным вещами багажником, Брайс стал моей тенью. Не той приятной спутницей, что составляет компанию в лучах солнца. Скорее той, что наступает на пятки.

Сколько нервов он истрепал мне, когда мы были всего лишь детьми. Кидался лепешками навоза, сталкивал с верхней ветки дуба, бросал в озеро прямо в одежде. Отец и дядя Джим лишь посмеивались с этих проказ, подмигивая друг другу: питали уверенность, что однажды по-настоящему породнятся. Перед сном отец сажал меня на свое крепкое колено и утешал, что так мальчишки проявляют свою симпатию.

С годами методы обольщения Брайса Гринвилла изменились, но не он сам. Все тот же бесшабашный, дурачливый подросток доставал меня в школе, куда мы вместе ходили. Подстраивал ловушки и выставлял на посмешище перед друзьями. Если отец и был прав на его счет, то Брайс выбрал самый глупый способ ухаживания. Он и сам понял это, когда его приятель Шон Грейвз пригласил меня на танцы в сельском клубе Веддингтона. Осознав, что в семнадцать лет уже работает другая тактика, он изменил подход.

Тем же вечером пришел под мои окна в рубашке и с букетом ромашек, сорванных где-то по пути. Кидал камушки в стекло и ждал, пока я выгляну, чтобы спросить:

– Не хочешь прогуляться со мной?

На той вечерней прогулке я словно повстречала другого Брайса Гринвилла. Он волновался, смущался и запинался через слово, точно позабыл алфавит. Попытался стать моим кавалером вместо Шона на танцах, но я не могла нарушить обещание, хоть и видела, как раскраснелись щеки Брайса от ревности. Я никогда не разделяла его чувств: ни в шесть лет,

ни в восемнадцать, ни теперь. Как только он поселился в «Алькасаре», стал для меня братом и не более.

Всего однажды он поцеловал меня без разрешения и получил смачную оплеуху, после чего я держала его на расстоянии. А Брайс не терял попыток уже более пятнадцати лет. Женщины у него водились, и немало, но он всегда возвращался ко мне за еще одной попыткой.

Брайс Гринвилл – не тот человек, с которым хочешь связать судьбу. Одну ночь – еще может быть. Безответственный и несерьезный, он делал ставки, много пил и пропадал где-то после рабочего дня.

– Да, денек выдался сумасшедший.

– Я до сих пор не могу отойти от визита миссис Браун.

– Мы не виноваты в том, что две лошади столкнулись на дорожке. Как и в том, что Скотти лежит в реанимации. Это опасный спорт, тебе ли не знать. У малыша Скотти была своя голова на плечах, чтобы самому влезть в это.

– Есть… – вдруг выпалила я.

– Что?

– Есть, а не была. Скотти обязательно поправится. У нас у всех все будет хорошо.

Залпом я осушила бутылку и шлепнула ею о стойку. Встала, незаметно сунула визитку в задний карман, чтобы потом выбросить по пути. Достала пять долларов и бросила бармену, собираясь уходить – в одиночестве мне побыть не удалось. Но Брайс остановил меня на полпути.

– Ничего уже не будет хорошо, Элла.

– Ты о чем это?

– А отец тебе не сказал?

Дрель не так просверлила бы стену, как мои глаза – лицо Брайса.

– У нас с папой нет секретов друг от друга.

– Видимо, ты одна так думаешь, – пожал плечами Брайс в своей безразличной манере. – Если он держит тебя в неведении, значит, парочка скелетов в его шкафу все же завалялась.

– Хватит юлить и расскажи нормально. Что происходит?

Брайс с сочувствием взглянул на меня.

– Элла, «Алькасару» приходит конец. Вы банкроты.

– Что? – я снова опустилась на табурет. – С чего ты взял? Да, у нас бывают проблемы, и конюшни стали не так популярны, как раньше, но ведь клиенты все равно приходят и…

– Сними розовые очки, Элла. Когда в последний раз бронь была забита? Когда в последний раз хоть кто-то из наших брал призовое место? Увеличивается только статья расходов, а остальное… покрывается вонючим навозом.

– И откуда ты все это знаешь?

– *Мой* отец от меня ничего не скрывает.

Обида горечью растеклась по груди, желудку, каждой конечности. Ощутив ее даже на расстоянии – в моем молчании, в моей растерянности – Брайс коснулся моего плеча.

– Прости, я не хотел тебя обидеть. Просто решил открыть

глаза на то, как обстоят дела в твоем любимом «Алькасаре». Это уже не тот дом, что у тебя был. Ты в порядке?

Разве можно услышать такое и остаться в порядке? По мне будто пробежал табун лошадей и втоптал копытами в грязь. Стыд, злость, отчаяние смешались клубком змей и жалили душу где-то внутри.

– Мне надо выпить.

– Это я могу устроить.

По щелчку пальцев передо мной появилось кое-что покрепче холодного нефильтрованного. Стакан виски, неразбавленного, по вкусу что-то вроде «Мэйкерс Марк». Ничего лучшего здесь не наливали, но и мне было неважно, чем прожигать внутренности, избавляясь от обиды и разочарования в отце.

Махнув полстакана горючего за раз, я вскочила с места резче, чем в первый раз. Хотелось устроить отцу выволочку. Но Брайс крепко схватил меня за руку. Как в тот раз на ипподроме.

– Ты когда-нибудь перестанешь от меня уходить? Я так противен тебе, что ты постоянно бежишь от меня сломя голову?

– Я не бегу, Брайс. Я хочу поговорить с отцом.

Чуть одурманенные алкоголем глаза Брайса блеснули недоверием. Мы оба знали, что я вру, но только один из нас не мог с этим смириться. Он чуть усилил хватку, пальцы плотнее обкрутили запястье, точно удав свою жертву. Брайс

потянул меня к себе и дыхнул солодовым ядом прямо в лицо.

– Ты злишься на него. Выходит, у тебя тоже есть чувства. Только на меня они не распространяются, правда?

– Брайс, ты выпил. Не думаю, что нам нужно продолжать этот разговор…

Запястье обожгло как крапивой. Кожу стянули влажные и грубые от работы пальцы Брайса.

– Пусти! Ты делаешь мне больно!

– Как и ты мне, Элла. Только обычно я об этом молчу.

– Пусти, – процедила я сквозь зубы и свободной рукой потянулась за пустой бутылкой пива. – Или я огрею тебя бутылкой, я не шучу.

Поддавшись угрозе, Брайс отпустил мою руку, все еще сжигая меня адским пламенем своих глаз. Слишком быстро его развезло от нескольких стопок алкоголя, или это злость затуманила ему разум? Сегодня Брайс был сам не свой и напугал меня до чертиков.

– Пора бы тебе уже жить дальше, Брайс, – бросила я и вышла из «Гавайского вечера» прямо на пустынный проулок Северной Каролины.

Дарби почуяла мое приближение и приветственно заржала, махнув головой. Но не успела я сделать к ней и пары шагов, как кто-то дернул меня за плечо. Брайс… Я и не слышала, как он бросился за мной следом. Шаги за спиной заглушала музыка из вереницы баров, так что я была не готова к тому, что дьявольская сила развернет меня на сто восемьде-

сят градусов.

– Жить дальше, говоришь? – зашипел Брайс. – Столько лет я пытаюсь жить дальше, но ты всюду. Ты переполняешь мою жизнь, мою голову и не даешь мне покоя. Ходишь вся такая непреступная и делаешь вид, что не знаешь, что я к тебе чувствую. А могла бы хоть раз открыть глаза и увидеть, какой я на самом деле! Я изменился, теперь мне есть что тебе предложить! И еще будет…

– И что же?! – едко спросила я, впервые в жизни с отвращением глядя на человека, с которым росла. – Злость, пьянство и страх?

– Я бы столько мог тебе дать!

– Но я не могу тебе дать ничего взамен, как ты не поймешь?

– Но ты могла бы попытаться.

– И это был бы обман, ты ведь понимаешь? – как можно мягче говорила я, не собираясь еще больше задевать его чувства. Хотела бы я, чтобы сердце Брайса Гринвилла страдало вот так по кому-нибудь другому.

– А если я хочу обмануться хоть раз? – крикнул он в небо и вскинул руки. Алкоголь сильно ударил ему в голову, заставляя вести себя так, как он никогда не вел.

– Прости, но я…

И тут горячие, соленые губы не дали мне договорить. Впились в меня со всей страстью и отчаянием, на которые были способны. Стали напирать, давить, жалить. Я попыталась

вырваться, но сталь мужской хватки удерживала на месте. Брайс зажал меня в тиски, обезоружил и обезвредил, сжимая предплечья так, что я не могла пошевелиться. Он напирал и пытался получить все, что мог урвать за несколько секунд.

Тогда я со всего маху врезала ему между ног. Хваткие руки Брайса сползли с моих плеч. С болезненным стоном он упал на колени и посмотрел на меня снизу вверх.

– Больше я никогда не подойду к тебе, – голос надрывно дрожал. – Я мог подарить тебе свое сердце, но ты его растоптала. Беги, Элла, как всегда сбегала от меня. А я больше за тобой не погонюсь, никогда.

– Прости, Брайс…

Хотела бы я сказать что-то еще, но вырвалось лишь повторное:

– Прости…

Я оставила Брайса на траве, а сама вскочила в седло, припустила Дарби в сторону «Алькасара». Дарби отдохнула и теперь мчалась во весь опор, точно знала, что я расстроена из-за Брайса, отца и этого дня, который никак не хотел заканчиваться.

Мы почти влетели в ворота «Алькасара», притихшего в вечерних сумерках. Все работники разошлись по домам, чтобы завтра утром вернуться вновь. Оставив Дарби у входа в конюшню, я забежала внутрь, надеясь отыскать отца за работой, но внутри никого не оказалось. Только мягкие носы в стойлах, только шорох копыт по запорошенным сеном

загонам.

Подавив желание тут же нестись в дом и разбираться с отцом, я завела Дарби в ее вольер, сняла седло и подпругу, но не стала тратить время на то, чтобы очистить их от пыли веддингтонских полей. Протерев спину и бока кобылы влажной щеткой, я напоила старушку водой и подсыпала корма в ясли, но та даже не притронулась к угощению. Улеглась в углу и глядела на меня благодарными уставшими глазами.

– Спокойной ночи, девочка, – улыбнулась я, погладив ее по загривку. – Завтра я принесу тебе что-нибудь вкусное.

Только я собиралась выключить свет, как услышала странные звуки где-то в глубине. Чье-то роптание, томительные стоны и тихое ржание. Я прошла по проходу между загонами, заглядывая в каждый с особой осмотрительностью. Максимус, Джой, Иберия… все с любопытством разглядывали мои передвижения и будто спрашивали, что я здесь забыла в такой час. Максвелл и вовсе наругался на меня, громко заржав из своего угла.

Все они выглядели измученными – легкая усталость и вечерняя тишина разморила их, как дротик со снотворным. Даже Фрэнсис, все еще ошеломленный событиями утра, смирно лежал себе с перебинтованной ногой, принимая реальность, как данное.

Но у последнего загона я остановилась. Дастан лежал на боку и тяжело дышал, точно только что пробежал не меньше двадцати километров без передышек. Грудная клетка взды-

малась кипящим вулканом, из которого вот-вот вырвется кипяток. Губы, сухие, как сено под палящим солнцем Северной Каролины, приоткрылись и тянули воздух с такой силой, словно эта порция кислорода на планете оказалась последней. Бока его гладкой, безупречной шерсти подрагивали судорогами и потели, как кусок мяса, истекающий жиром. Что-то не так.

Я распахнула загон и почти упала на колени перед больным животным, я положила руку на беспокойную грудь и почувствовала толчки, стремительные и непостоянные. Точно сердце забыло про счет и сокращалось как ему вздумается.

– Что с тобой, Дастан? – прошептала я, осматривая тело коня на предмет ран или каких-то признаков недомогания.

Внешне жеребец казался в порядке. Но глаза… эти две планеты, затянутые муками боли и страдания, воззрились на меня с мольбой о помощи. Покрасневшие белки источали влагу, и любой другой спутал бы ее с настоящими слезами.

Я выросла среди этих прекрасных животных. Я знала о них то, чего не знали опытные скотоводы. Но даже я не могла сказать наверняка, что происходило с Дастаном. Что подкосило этого силача в самом расцвете сил.

– Я позову кого-нибудь, и тебе обязательно помогут, – заверила я коня и погладила по шее, но тот будто и не слышал.

Выйдя на свежий воздух, я потерла виски, выгоняя последнюю предательскую дозу виски из крови, лишь бы лучше соображать. В «Алькасаре» никого не осталось в этот

час. Конюхи и ветеринары разбрелись по домам, даже миссис Шеффилд, полдня возившаяся с ранеными цветами на клумбе, оставила свой пост и отправилась нянчиться с внуками. На территории проживали только мы с отцом, да Брайс в выделенном ему еще пятнадцать лет назад домике на самом краю владений Маккоев. Только Джим съехал отсюда в свой маленький домишко на берегу озера Эфирдс – хотел на старости лет потешиться природой и рыбалкой.

Но от Брайса сейчас помощи не дождешься, да и в следующие несколько недель я намеревалась избегать его, как загара в самый час пик. Он с приятелями допивал свой десятый стакан виски и вряд ли бы чем-то помог Дастану, даже если бы сильно захотел. Оставался отец, но я не могла его найти. Ни на улице, ни в спальне, ни в гостиной.

Нигде в доме не горел свет, но я попытала счастья и толкнула дверь в кабинет. В мрачном танце пылинок я разглядела фигуру, сгорбленную над столом. Отец уснул прямо в кабинете над бумажками. Но вместо жалости к старику я почувствовала лишь новый прилив злости. Не усталость склонила отца. А бутылка початого виски «Харрис Каунти», ржаного, сладковатого и ядреного, как сама преисподняя.

Стиснув зубы, я еле сдержалась, чтобы не растормошить отца и не отчитать за пьянство, за враньё. Но вырвался один лишь усталый вздох. Отец не пил больше двадцати лет, с тех самых пор, как похоронил мою мать и пытался забыться на дне горячительного. В ту пору он больше месяца он прожи-

гал внутренности пойлом разного калибра. Жизнь его проходила в объятьях чертовой бутылки. Пока дядя Джим не вытряс всю эту дурь из непокорного Клинта Маккоя, напомнив, что помимо обязательств в «Алькасаре» у него еще есть маленькая дочь. Отец завязал, и этот прочный узел держался столько лет, пока не развязался именно сегодня.

Укрыв плечи отца пледом, я выбросила пустую бутылку в мусорку и тихо вышла на холодеющий воздух Веддингтона. Пару раз наполнив легкие освежающим кислородом, набрала номер нашего ветеринара. Грэм ответил лишь на второй раз и бегло протараторил, что сможет вырваться только завтра.

– Дай пока ему активированного угля, да побольше, – отчеканил он и повесил трубку раньше, чем я успела вставить хоть слово.

– Черт бы тебя побрал! – крикнула я в никуда и чуть не швырнула телефон об стену дома. Но сдержалась.

Отыскав в интернете телефоны еще двух местных ветеринаров, я получила лишь вялые отговорки – помощи до завтра ждать не стоило. Впрочем, один из них проявил чуть больше участия, чем замерзшая ледышка.

– Похоже на пищевое отравление, – предположил он. – Если начнется рвота или диарея, то ваш конь точно чем-то отравился. Без осмотра и анализов я точно сказать не могу, но и приехать тоже… Я за триста миль от Веддингтона.

– Что же мне делать?

– Понаблюдайте за ним и записывайте все симптомы, чтобы к приходу врача у него было представление о болезни. И дайте ему активированного угля.

– Вы серьезно? – из меня вырвался невеселый, скорее отчаянный смешок.

– Советовать антибиотики или что посерьезнее без личного присутствия я не могу. Если у вас найдется, угостите больного противотоксичными препаратами. Все, что могу в данной ситуации…

В отчаянии я вернулась в конюшню – не могла оставить Дастана один на один с его хворью, чем бы та ни оказалась: пищевым отравлением или чем-то посерьезнее. Как и советовали двое из трех ветеринаров, я с трудом запихнула в рот жеребцу горсть таблеток угля и заставила проглотить.

Очевидно, что эту ночь я проведу в хлеву в компании больного коня. Расположившись рядом на дырявой подстилке, на которой мы с отцом таскали сено с полей, я гладила и утешала беднягу, как могла. Пыталась влить в него хоть какую-то жидкость или просто смачивала губы. Через час Дастана стошнило прямо мне на джинсы, через еще два часа он задышал ровнее.

К полуночи я заснула, прислонившись к горячему боку Дастана. Лошади так делают, когда хотят даровать утешение разбитой душе.

В этой жизни каждый сам за себя. Мы не в силах разделить чьи-то страдания, но можем показать, что нам не все

равно.

***

«Лошади лучше людей: они по крайней мере не лгут».
Ален Делон

Глава 5

Дымок от кофе приятно щекотал ноздри. Вылетая из сколотой чашки, он смешивался с туманным маревом, растянувшимся над полями «Алькасара». Я спустилась с крыльца и тихо прошлась к дальней ограде. За ней зеленым полотном растягивались луга, на которых вот-вот распустятся белые головки дивоний и синие фонарики колокольчиков.

Солнце только проступало красным пятном за лесами, которые плотным кольцом обсаживали Веддингтон и владения Маккоев. Эта могучая поросль наступала с юга и востока, точно несокрушимая армия.

Облокотившись на ограду, я сделала первый утренний глоток и почувствовала себя лучше, когда горячая жидкость согрела внутренности. Эта ночь оказалась не из легких, и кофе исцелял почти так же, как виды кругом.

Эти земли принадлежали Маккоям уже несколько сотен лет. Из маленького клочка плодоносной равнины постепенно вырастала целая плантация полей и лугов. С каждым поколением Маккои стремились лишь преумножить их.

Когда Клинту Маккою достались эти просторы от его отца, они уже рассеивались от озера Мандорф до ферм Хантера – пласты и пласты земли, власти и свободы. В основном нам принадлежали равнины и поля, обрамленные лесами и речками. Но ближе к восточному краю территорий выраста-

ли и небольшие горы Делани со скалистыми, опасными утесами, каменистыми гранями. Для Веддингтона – небывалое зрелище.

В отличие от своих предков-фермеров, отец не собирался посвящать свою жизнь работе в поле. С самого детства его страстью стали лошади – грация и могущество во плоти.

Вступив в наследство, Клинт Маккой и не думал пахать землю и взращивать кукурузу, а взялся за осуществление мечты. Первыми рядом с хозяйским домом выросли конюшни и тут же пополнились первыми обитателями – купленными за гроши лошадьми без породы и племени. Что-что, но чистая кровь никогда не значила для отца ни грамма. Он ценил верность и преданность, а не родословную. Так было как с лошадями, так и с людьми.

Новоиспеченные жильцы конюшен тут же снискали славу в местных фермерских кругах, хоть отец заводил их не для этого. Кто-то брал в аренду тяжеловесов для пашни и работы в полях, кто-то – за катание верхом. Вторые приносили отцу больше радости и удовлетворения, и тогда он понял, чем бы хотел заниматься.

За несколько месяцев и несколько одобренных местным банком кредитов он отстроил «Алькасар» по кирпичу, по загону. Рядом с конюшней выросли хозяйственные постройки, лазарет и другие строения, позже ставшие домом отдыха для персонала, кафе и залом славы. Каждый гость «Алькасара» мог войти туда и прикоснуться к триумфу, который только

зарождался в этих землях. Полки постепенно пополнялись грамотами, медалями и кубками тех, кто приезжал сюда тренироваться на теперь уже породистых жеребцах, выкупленных на аукционах в Шарлотте, Гринсборо и Атланте.

«Алькасар» стал первым конным домом в Веддингтоне и самым известным во всей Северной Каролине. Сюда съезжались все профессионалы и любители. Одни тренировались перед будущими выступлениями на скачках, в конкуре, кросс-кантри или выездке. Другие просто исполняли маленькую мечту и боролись со страхами, когда седлали высоких и пугающих лошадей.

В стойлах появлялись все новые и новые обитатели. Канадские и шотландские пони для самых маленьких. Мягкие и податливые, как глина в руках ваятеля, они так нравились юным наездникам, что в «Алькасаре» открылась школа для детей и подростков. Каждую неделю пять инструкторов наставляли и обучали малышей и детей чуть постарше держаться в седле.

С самых азов «Алькасара» начинала и я, седлая таких же невысоких и капризных пони, как я сама. Дядя Джим лично взял шефство над моим обучением, холил и лелеял ту искру, что разжигалась во мне с каждым днем все сильнее, чтобы рано или поздно превратиться в настоящий пожар.

Теперь у нас осталось всего пять пони. Жили они в маленькой конюшне, чуть западнее мест обитания таких великанов, как Максимус, Родосс и Грейди. Пони породы микро-

кон по кличке Полли – самый карликовый из представителей своего рода. На неё мы усаживали малышей до семи лет, и обычно они отлично ладили.

Компанию ей составляли кровные братья из выводка ирландских пони Твист и Шиммер. А также шотландский пони Хемби с сахарным характером и россыпью пятнышек-веснушек на правом боку. И его лучший друг и полная противоположность – хулиганистый пони-вестфалия с совершенно неподходящим ему прозвищем Зефир.

Каждый раз, как я видела детишек, взбирающихся на покатые спины Твиста или Хемби – не без внимательного надзора наших инструкторов Даяны и Уилла – не могла сдержать теплой улыбки. На душе становилось так тепло, словно внезапно в Веддингтон наведывался июль.

Во времена моего детства здесь были открыты три конюшни: одна для пони и две для взрослых, породистых обитателей «Алькасара». Больше двадцати представителей знатных родов жевали здесь овес и топтали землю ухоженными копытами, пока их количество не поредело. Одну из конюшен пришлось закрыть, а из двух десятков лошадей осталось лишь одиннадцать. Кто-то умирал от старости, как Балтимор, на котором я училась ездить верхом. Кто-то перепродавался за более выгодную цену. Кто-то «выходил на пенсию» и отходил в дар тем, кто побеждал на них в состязаниях.

Мы лишились уникальных пород, вроде верхово-упряжной тракененской, которая показывала отличные результаты

в выездке, выносливого арабского – чемпиона в конных пробегах, а также иберийцев и ирландцев. Потери невосполнимые, но те, что остались, тем более стали ближе нашим сердцам.

А вместе с редеющей коллекцией лошадей нас покидали и работники. Уходили не только инструкторы и спортсмены, но и работяги, вроде конюхов Уолтера и Джоша, пока не остались лишь те, кто был с нами с самого начала. Помощница по хозяйству Хэтти Шеффилд, у которой выходили самые вкусные во всем штате оладьи с кленовым сиропом, грумер Арчи, конюх Лиам с помощником-неумехой Чарли, ветеринар Грэм, да дядя Джим с Брайсом. Бравая команда, сдающая позиции…

Более тридцати лет назад сам того не ожидая, отец создал целую конную империю. «Алькасар» превратился в Мекку, куда стекались хоть мало-мальски влюбленные в лошадей мужчины, женщины и дети с разных уголков земли.

Клинт Маккой спешил развить, напитать соками не только спортивную жилку, но и туристическую. Мне не исполнилось еще и двух лет, как взяв еще несколько ссуд в банке, в восточной части своих владений отец отгрохал двадцать одноэтажных и двухэтажных шале, где приезжие могли бы остановиться на день, выходные или целые недели. И люди останавливались, предпочитая провести отпуск в деревенской глуши Веддингтона, нежели в широтах Франции.

Когда в «Алькасаре» появился дядя Джим и его сыниш-

ка, отец подарил им один из домиков, что стоял поодаль, где дубы схлестывались в поединках своими толстыми ветвями. Брайс так и остался жить в нем, лишь слегка изменив интерьер, когда же Джиму не хватало свободы в этом заточении деревянных заборов – и на скопленные сбережения он приобрел двухкомнатный домик у озера, где мог удить карпов и курить «Мальборо Лайт» без зазрения совести. Лошади же терпеть не могли едкий табачный дым и порой даже фыркали на Джима, когда тот протягивал им угощение пропахшими никотином пальцами.

Годы всегда берут свое. Самые величайшие империи исчезали так же внезапно, как и появлялись на горизонте. Что уж говорить о чем-то столь незначительном на карте мира, как «Алькасар». Клинт Маккой не мог не задумываться о том, что когда-нибудь эпоха его царствования закончится. Я тоже замечала этот спад, но он казался мне степенным, неспешным и не грозящим серьезными последствиями.

Все увядает, как отживший свое клевер на лугу. У всего есть свой срок годности. Только я не думала, что срок годности «Алькасара» подойдет так быстро и так внезапно. Если верить словам Брайса.

Я не слепа и заметила перемены за последний год. Весной туристический сезон только зарождался. С марта телефон начинал трезвонить почти постоянно – постоянные клиенты или новенькие желали отдохнуть в «Алькасаре» среди природы и лошадей. Бронь на домики всегда забивалась еще

за несколько недель до конца марта.

Как я могла упустить тот момент, что этот март начался совсем не так. Я лично записала только одно имя в книгу – пожилой мистер из Нового Орлеана хотел погостить с женой и исполнить ее мечту обучиться езде на лошади. Одна бронь из десятка, а то и сотни!

Что уж говорить о спортсменах. Когда-то за наш дом выступали многие жокеи и представители других дисциплин конного спорта. Наши инструкторы тренировали будущих звезд, наши конюхи ухаживали за жеребцами. Все, что требовалось от них, просто вовремя являться на тренировки и соревнования, да отчислять нам плату за услуги и часть гонорара за выигрыш в соревнованиях. Всех устраивал такой обмен. До поры до времени.

За этот год к нам не пришел ни один новичок, мечтающий о выступлениях и кубках. Ни один! Из завсегдатаев же можно было собрать разве что команду по баскетболу: так мало нас осталось. И двое из них выбыли за одну несчастную гонку в Уэйдсборо.

С оттоком спортсменов от нас сбегали и инструкторы. Остался один лишь Дейл, но и тот давненько не появлялся на наших стадионах. «Алькасар» стал рекой, чье русло незаметно высохло.

Все это как-то ускользнуло от моего внимания. Как я могла быть такой глупой и не собрать факты в целую картину? Просто глаза не хотели видеть, а сердце не хотело верить. В

то, что «Алькасару» приходит конец. И что-то подсказывало мне, что Бобби Брюлле сыграл в этом немалую роль.

Я никогда не бывала в его роскошном пансионе, хоть тот и вырос внезапно пару лет назад всего в пяти километрах от ворот «Алькасара». На пустыре всего за несколько месяцев отгрохали настоящий комплекс для богачей. Любопытство как-то завело меня в интернет, на сайт «Идальго» – даже тот обскакивал наш в помпезности и современности.

Домики и номера Бобби Брюлле сияли блеском в стиле «люкс». Все утопало в дорогостоящих материалах и сиянии денег. Концепция «все включено» с подачей из трех блюд от лучших поваров. Бассейны и джакузи с видом на сосновые рощи. Конные угодья для любителей и профессионалов. В распоряжении простых «смертных» было два просторных стадиона, а для спортсменов и вовсе ипподром в живую величину, не хуже, чем в Уэйдсборо, а также треки поменьше.

У такого денежного мешка, как Бобби Брюлле, нашлись средства, чтобы все это отстроить и привлечь клиентуру, которая своими денежными потоками за год уже окупила все вложения. Феномен богатства Бобби казался мне загадкой, ведь начинал он с деревообрабатывающей фабрики где-то на задворках Джорджии, а теперь владел строительным бизнесом, логистическим центром, поставляющим товары в Европу, двумя автоконцернами… этот список не укладывался в моей голове. И теперь вот он стал владельцем пансиона, где проводил большую часть своей жизни.

В конный дом «Идальго» резко потекли финансовые и кадровые вливания. Бобби привлекал спортсменов и клиентов, не стеснялся переманивать из других конных домов. Наши тренеры по конкуру и выездке Меган и Дуэйн даже не скрывали того, что выбрали «Идальго» вместо «Алькасара», когда подавали заявления на увольнение где-то с три месяца назад.

Все переменилось с появлением Бобби Брюлле. И теперь он жаждал выкупить еще и наши земли. Есть те, кто никогда не довольствуется тем, что есть. Им всегда мало. Бобби Брюлле был как раз одним из таких.

Допив чашку кофе, я вдохнула аромат рассвета с его нотками только распускающихся маков. Погода в Северной Каролине так же непостоянна и капризна, как дама из светского общества. Дневное солнце могло ослеплять, а ночи погружались в морозную спячку и одаривали утром плотным туманом, точно дымом, выходящим из невидимых труб.

Дастан успокоился и задремал лишь к четырем утра, заставив понервничать не только меня, но и своих товарищей. Всю ночь они «переговаривались», словно спрашивали друг друга, все ли в порядке. Я не выспалась и чувствовала себя так, как будет чувствовать себя сегодня утром Брайс. В полнейшем похмелье.

Нужно возвращаться в конюшню и попытаться снова напоить Дастана, пока Грэм или другой ветеринар из города не соизволит явиться и взглянуть на больного коня. Солнце

как раз выглянуло из-за макушек деревьев и бликом сверкнуло прямо в глаза. То ли меня ослепило, то ли сбило с толку обманом зрения, но я могла поклясться, что у лесной чащи мелькнуло коричневое пятно. Громоздкое, как шмель, севший на тонкий стебель ириса. Мелькнуло и тут же скрылось с глаз среди стволов, сливаясь с темнотой и самой природой.

Дикие звери нередко выходили на эти луга, но тут же прятались, когда чуяли присутствие человека. Только мелкие хищники, вроде бурундуков, лис и рысцовых кошек могли поддаться наглости и явиться на порог конюшни в поисках легкой поживы. Они баламутили покой в загонах – наши питомцы не любили чужаков. В конюшнях поднимался переполох, и тогда кто-нибудь из работников хватался за вилы или же ружье, специально подвешенное над входом в конюшню. Бывали и ночные визиты, после которых мы находили продырявленные мешки с овсом, надгрызенные залежи фруктов и овощей, поцарапанные ставни и следы зубов на бревенчатых стенах.

Но это коричневое пятно не казалось мне ни оленем, ни волком, ни тем более медведем. Слишком изящно, слишком грациозно оно явило свой лик и также грациозно скрылось с глаз. Точно дикая лошадь… как из моего детства. Тот мустанг часто вспоминался мне и снился в самых невероятных снах, но я ни разу снова не сталкивалась с ним ни на здешних полях, ни на той поляне с клевером. Отец не верил моим россказням, впрочем, как и дядя Джим. Брайс и вовсе все

детство посмеивался надо мной и моей бурной фантазией. Когда тебе не верят, ты и сам начинаешь сомневаться в своей вере. Я уже и не знала, встречался мне мустанг или все это было простым сном.

Сколько я ни вглядывалась в лесной частокол, коричневое пятно больше не появлялось. И я вернулась в конюшню.

Дастану стало только хуже. От воды он отказался, но продолжал извергать внутренности в виде желтой пены. Я вся провонялась лошадиным потом, рвотой и болезнью, но мне было плевать на все, кроме здоровья Дастана. Кто-то должен был помочь ему, но, пытаясь добудиться прозябающего опьяненным сном отца, я получила в ответ лишь невнятное бормотание и просьбу катиться к чертям. Грэм больше не отвечал, а других толковых знатоков лошадей я не знала.

Около шести утра ничего не оставалось, как позвонить дяде Джиму. Тот примчался на раздолбанном, ржавом «Форде» с прицепом для перевозки лошадей и бросил его возле крыльца, даже не заглушив мотор. Как только он появился в конюшне, меня отпустило, как отпускает горло после тяжелой ангины.

Бегло осмотрев потерпевшего, дядя Джим не вынес никакого вердикта, только с тревогой поцокал и сел рядом. Мозолистая рука легла на огнедышащую грудь и вздрогнула вместе с телом Дастана. Казалось, малейшее касание доставляло коню неистовую боль.

– Ты вызывала Грэма?

– А как же! – ощетинилась я на нашего ветеринара. – Он чем-то сильно занят, как и все веддингтонские врачи.

– А твой отец?..

Дядя Джим дырявил мое лицо острым взглядом, но я не могла поднять на него глаз, как провинившаяся девчонка. Словно я сама подсунула отцу бутылку «Харрис Каунти» и заставила упиваться до беспамятства.

– Он ничем не может помочь.

– Где он, Элла? – с нажимом спросил Джим, уловив что-то неладное.

– Спит в кабинете. Пьяный до чертиков.

Не нужно было смотреть на дядю Джима, чтобы увидеть, как плотно сжалась его челюсть. Он мог бы перегрызть железо – такая злость на многое способна. Ничего не сказав о пьянстве старого товарища, дядя Джим поднялся с колен и с отчаянием сказал:

– Пора везти Дастана к ветеринару. Здесь мы ничем не сможем ему помочь. Я не знаю, что это за болезнь и боюсь, что если так пойдет и дальше…

То в «Алькасаре» освободиться еще один загон.

– Все они заняты, иначе кто-нибудь давно бы приехал.

– Тогда повезем его в «Мисти Мидоус», – без колебаний решил дядя Джим. – Уоллес поможет.

Как же я сразу не подумала о Уоллесе?

На ферме «Мисти Мидоус» всегда можно было купить ящик яблок «Грэнни Смит», которые так нравились нашим

коням, или банку парного молока к завтраку. У фермера Уоллеса было все: от свежих продуктов до качественных седел, которые он делал собственноручно в ковальне, пристроенной к курятнику. То, которым я вчера седлала Дарби, служило мне уже пять лет – некоторые браки держаться не так крепко.

Сам же Уоллес Гордон никогда не пользовался услугами ветеринаров, а искренне верил в силу природных лекарств. Раны он залечивал отварами из зверобоя, календулы или полыни – благо этого добра в Веддингтоне хватало с лихвой. Чтобы сбить температуру у заболевшего скота, он делал теплые настои и компрессы из сена. А если уж его овцы подхватывали грипп, укутывал их шерстяным одеялом и клал сверху пакет с горячим настоем мать-и-мачехи. Грэм и половина Веддингтона добродушно посмеивались над старым лекарем, но, кто бы что ни думал, а все его методы работали – за двадцать лет на его ферме умирали лишь те, кого собирались пустить на мясо. А его квас, настоянный на травах, и вовсе славился на всю округу тем, что приводил в чувства истощенных животных. Уоллесу предлагали даже запатентовать его изобретение, но тот лишь махал своей широкой ладонью и говорил, что нельзя наживаться на чужих болезнях. Пусть народ пользуется.

– Как же мы поставим его на ноги? – я усомнилась в нашей затее – Дастан при всем своем желании не мог даже перевернуться на другой бок, не говоря уже о том, чтобы по-

слушно зайти в перевозку.

Взрослые жеребцы американского пейнтхорса – это полтонны живого веса. Нам ни за что не поднять пятьсот килограмм.

– Брайс бы сильно облегчил нам задачу. Ты его не видела?

– Он вряд ли нам поможет. Вчера у него выдалась… веселая ночь.

– Вот ведь повеса, – Дядя Джим вздохнул и бросил, выходя из конюшни:. – Тогда будем играть не по правилам.

Дастан не шевелился, лишь глядел на меня пустыми глазами. Вся его жизнь – бег и радость на лугах – превратилась в безмолвное страдание. Дядя Джим вернулся с горстью коричневого сахара в кубиках. Десерт, который не часто позволялся в «Алькасаре», ведь сахар для лошадей, что шоколад для собак – сладкая, пусть и медленная смерть.

– Смотри, что у меня есть, Дасти, – ласково пропел дядя Джим и протянул кубик сахара.

Приманка сработала – опустошенный желудок жеребца заурчал, а глаза загорелись. Дастан с радостью бы смахнул кусочек сахара с ладони, но ноги его не слушались. Сделав отчаянную попытку встать, конь снова рухнул, подняв ворох пылинок.

– Давай же, проходимец, – с любовью подозвал дядя Джим во второй раз: сахарные кубики сверкали в свете лампочки, как съедобные бриллианты. – Ты должен дотащить свою задницу до перевозки, если не хочешь отбросить копыта прямо

здесь. Клинт нам обоим свернет шею, если так случится.

Голод оказался сильнее боли. Мы с дядей Джимом завороженно наблюдали, как копыта восстали и уперлись в твердь пола. Как ноги задрожали, когда вес богатырского тела перенесся на ослабевшие мускулы. Одна подогнулась – Дастан нырнул носом вниз, но тут же выровнял его, как «Боинг», скользящий в зоне турбулентности. Шаг, за ним другой. Мольба в глазах. Но Джим не собирался сдаваться на волю жалости. Некоторые шаги мы должны сделать сами.

– Вот так, приятель, – похвалил дядя Джим, до которого оставалось полметра. – Еще немного.

Сухие губы нащупали кусочек сахара и мигом сглотнули с ладони. Остальные блестящие коричневые кубики исчезли в кармане и появлялись перед конем по одному, пока тот медленно и раздраженно следовал за кормильцем. Как только конь улегся в перевозке, дядя Джим скормил коню оставшееся угощение и закрыл решетку.

Тут же из дома послышались шаги, и отец выплыл во вчерашней одежде. Измятая рубашка, ворот расстегнут, шея и лицо красные, как у перегревшегося на солнце туриста. В глазах – абсолютное непонимание происходящего. Отец попытался сощуриться и прикрылся ладонью от утреннего солнца.

– Что здесь происходит? Куда вы увозите… – заглянув в прицеп, он нахмурился. – Дастана?

– Он болен, – сурово бросила я. – Мы везем его к Уоллесу.

Если в крови Клинта Маккоя и плескался остаточный алкоголь, то он мигом выветрился. Папа пришел в себя и стал задавать кучу вопросов, на которые у нас не было времени. У меня, к слову, скопилось их не меньше.

– Я поеду с тобой, – безоговорочно сказал отец Джиму. – А ты, Элла, останься и присмотри за остальными. Если это отравление, другие тоже могут слечь.

Дядя Джим сурово молчал, пока забирался на водительское сидение. По одному ему виду я поняла: как только колеса тронуться и покатят на юг, в сторону «Мидоус Мистик», Клинта ждет серьезная взбучка – пятнадцать лет трезвости и внезапный срыв не сойдут отцу с рук.

С приказами Клинта Маккоя никто не спорил – не принято ворошить осиное гнездо. И еще несколько лет назад я бы не осмелилась перечить отцу, но мне осточертело, что со мной обращаются, как с ребенком. Как пятнадцать лет назад, когда я и в седле-то усидеть не могла.

– Отец, мне нужно поговорить с тобой.

Но он безразлично прошел мимо, огибая прицеп. Я – за ним, чувствуя себя глупой и обманутой. Едкая смесь, что разъедает душу.

– Я знаю все, что ты мне скажешь, – буркнул он, открывая пассажирскую дверцу. – Но это было всего раз. Я вчера слишком перенервничал… и еще миссис Браун…

– Я не про бутылку виски на твоем столе…

– Все потом. – Отрезал отец и хлопнул дверью у меня пе-

ред носом, объявляя о том, что разговор окончен. – Присмотри за лошадьми.

Взревев, «Форд» пробуксовал по влажной траве и понесся к выезду, таща за собой прицеп с Дастаном. Меня разрывало от ярости. Что ж, отец, не хочешь просветить меня по поводу наших дел, тогда я сама все узнаю.

Грозно зашагав в сторону дома, я почти ворвалась в кабинет, все еще пропитанный парами техасского бурбона. Я никогда не лазила в стол отца без его разрешения. Сейчас же мне было плевать. Раз уж я не заслуживала доверия, раз уж единственная во всем «Алькасаре» не знала о положении вещей, то собиралась порыться в вещах отца.

Дернув первый ящик, я увидела стопки накладных на зерновые, которые мы закупали оптом в «БлуБоннет». Витамины, минеральные добавки и соли, премиксы, средства по уходу за шерстью, копытами, антигильментики и все прочие расходники, которые пополнялись каждый месяц. Квитанции на оплату электричества и водоснабжения лежали ниже. Ничего интересного.

Вторая шуфлядка не рассказала ничего нового. Журналы учета персонала и заработных плат. Книги посещений и бронирований домиков на год вперед, впрочем, изрядно опустевшие. Паспорта на лошадей и их медицинские книжки, страховка и все то, что может понадобиться и должно находиться под рукой.

В третьем ящике стола и вовсе сгрудилась одна лишь пыль

да коробок спичек, которыми отец любил поджигать масляную лампу на столе. В некотором смысле он не изменял старым привычкам и частенько застревал где-то в прошлом.

Уперев руки в бока, я осмотрела кабинет, придираясь к каждому местечку, где можно что-то спрятать. Все полки и стеллажи заполоняли статуэтки лошадей и награды, которые отец не хотел выставлять на всеобщее обозрение в зале славы, а хранил под охраной бдительного «Реммингтона». Здесь же – мои медали и призовые кубки за участие в скачках, которые не поместились в зале. Последний датирован пятью годами назад – моя последняя гонка, мой последний полет, после которого я больше не летала. По крайней мере, на скорость. Нога тут же заныла в ответ на увиденное – травма давала о себе знать, не давала забыть…

Нельзя поддаваться печали и вспоминать прошлое – оно ушло безвозвратно, как бы ни хотелось порой его вернуть. Смахнув его, как пылинку с рукава, я прогнала воспоминания.

Оставался шкаф.

Распахнув дверцы, я стала шарить на полках, как зверь в поисках чего-то съестного. Как те бурундуки и еноты, что заглядывали к нам на огонек поживиться чем-то вкусным после зимней голодовки. Частенько они уходили ни с чем или бежали сломя голову от предупредительных выстрелов. Я же не собиралась бежать с пустыми руками. Я должна знать, что происходит с «Алькасаром». С местом, где я выросла и про-

жила всю жизнь. С моим домом. И домом для десятка лошадей.

И я нашла то, что искала. Отец даже не соизволил припрятать улики подальше – знал, что никто не станет залазить в его вещи и что-то искать. Папка с подписью «Счета» сама просилась в руки, а в ней – трясина лжи, которой меня кормили последние месяцы.

Банковские извещения о неуплате кредитов, неоплаченные счета за ремонт гостевых домиков, просроченная страховка и счета за медицинские услуги… Меня затягивало и затягивало болотом долгов, в которых погряз мой отец и «Алькасар».

– Не может быть… – прошептала я, оседая на отцовское кресло.

Как я могла не замечать. Порой мы так слепы и не видим того, что у нас перед глазами. Я верила отцу, безоговорочно и самозабвенно, не помышляя о том, что он не договаривает о том, что мы в полной куче навоза уже шесть месяцев.

Раскладывая счета и извещения по датам, я подсчитывала цифры, все больше приходя в ужас. Все шло более или менее сносно до прошлого августа. В «Алькасаре» случилась эпидемия: гонкевирусная инфекция захватила конюшни и изрядно напугала нас всех. Зараза быстро передается в группах – она захватила почти всех наших лошадей. Лишь Бенито и Боливар чудом избежали страшной участи – возможно, сказались молодые годы и повышенный иммунитет. При-

шлось изолировать их, пока остальные выкарабкивались из лап смерти. Но не всем это удалось… Тем летом наши ряды покинул виргинский хайландер Мерлин. И нас осталось одиннадцать.

Медицинская страховка не покрыла всех расходов на лечение – и отцу пришлось брать ссуду, чтобы оплатить медикаменты и дополнительные услуги ветеринаров, которые бывали здесь и днем, и ночью. Неужели мы побороли чуму, но не бедность?

Квитанции вываливались из рук: счета, взносы, оплаты. Я терялась в потоке цифр – они топили меня, накрывали с головой. Откинувшись на спинку кресла, я пыталась вдохнуть поглубже, но спертый воздух с примесью виски и страха только отравлял мои легкие. Дрожь пробрала каждую косточку. Ужас вступал в реакцию со злостью на отца.

Мы должны около трехсот тысяч долларов.

«Алькасар» на грани вымирания. Мой дом терпит крушение, а я даже не в курсе, что пора надувать спасательную шлюпку. Все кругом мне врали, а ложь страшнее шторма. Ведь из нее сложно выплыть. В ней можно только утонуть.

***

«Еще неизвестно, кто из нас люди – лошади или мы».
Из к/ф «Ищи ветра»

Глава 6

К вечеру нас стало еще меньше. Невидимая коса судьбы срезала еще одного выходца «Алькасара».

На ферме «Мистик Мидоус» Дастана поставили на ноги, а вот Грэм уже никогда не ступит сюда со своей красной сумкой и кривоватой усмешкой.

Как только отец вернулся с Джимом и хорошими новостями, он тут же уволил нашего единственного, бросив ему в лицо расчет за последний месяц и несколько ласковых. Мой отец – любитель выпустить пар на других. Он превратился в комбайн, что скашивает всех на своем пути. Я недолюбливала и страшилась этой черты его характера и благодарила небеса, что меня она обошла стороной.

Грэм пытался оправдаться, но Клинт Маккой ничего не хотел слышать. Слух его поглотило негодование – он чуть не потерял еще одного питомца. Благо, Уоллес знал свое дело и отпаивал жеребца молочными сыворотками, отварами ромашки и картофельной водой – крахмал помогал снять раздражение желудка. За свою заботу фермер не взял ни цента, попросив лишь прокатить его внучку на одном из пони, когда та приедет летом на каникулы.

К вечеру отец застал меня на любимом месте – у дальней ограды, откуда открывалась панорама на леса и тропинку к клеверной полянке, куда давно не заглядывала. Где я встре-

тила мустанга.

С каждым днем теплело словно на несколько градусов, что предвещало знойное лето. Но когда я услышала грузные шаги резиновых сапог за спиной, почувствовала холодок на коже. Вся покрылась колючками. Так морские ежи выпускают защиту перед опасностью. С каких пор отец стал для меня врагом?

Не прозвучало ни слова – Клинту Маккою всегда тяжело удавались разговоры по душам, особенно, если он сам провинился. Поставив локти на деревянную перекладину, он свесил ладони вниз. Как же я любила эти руки в детстве – грязь под ногтями и мозоли на никогда не вызывали у меня отвращения. Какая разница, какие руки гладят тебя по спине, если делают это с любовью?

Эти ладони ничуть не изменились, зато отец будто стал чужаком. Я не узнавала его за знакомыми чертами лица. Мне столько хотелось высказать ему, но я выдавила лишь:

– Почему ты не сказал мне?

– Не хотел лишний раз волновать. Мы сами пожинаем плоды своих действий. Как ты вообще узнала?

– Брайс сказал.

– Ох уж этот проходимец, – покачал головой отец. – Всегда знал, что от него будут одни неприятности.

– У нас и без него неприятности, разве нет? Я видела документы. С таким долгом мы долго не протянем.

– Тридцать лет справлялись и дальше справимся, – с пол-

ной уверенностью заявил отец, словно мы задолжали три тысячи, а не триста. Слепец, который не хочет прозреть и увидеть реальность. – Надо только время.

– Какое время, отец?! – не выдержала я. – Триста тысяч долга! А у нас ни побед, ни полной брони на весну! Никто больше не хочет проводить выходные в «Алькасаре» и кататься на лошадях! Мир изменился, но ты не желаешь меняться вместе с ним!

– Потому что есть неизменные вещи, Элла, – если на других он мог злиться, то со мной разговаривал с полным спокойствием. – Я годами отстраивал это место не для того, чтобы потом…

– Ты не выносим! – всплеснула я руками и отошла отдышаться, чтобы не наговорить лишнего. Злость трещала во мне огнем, а отец лишь подбрасывал дрова. – И какой у тебя план? Как ты собираешься спасать «Алькасар»?

По лицу отца было видно – никакого плана нет и в помине. Плыть по течению в дырявой лодке по тем же волнам – вот и весь план. Не налечь на весла, не сменить маршрут, даже если впереди бездна.

– Дадим рекламу, привлечем больше туристов и спортсменов…

– Это все не поможет. Да и на масштабную рекламу нужны деньги, а их у нас не водится уже сколько, полгода? Может, есть смысл рассмотреть предложение Бобби Брюлле?

– Никогда, – сквозь зубы шикнул отец. – Никогда, слы-

шишь, я не отдам свое детище в лапы этого мерзавца! Он может купить хоть полгорода, но Маккои не продаются!

Я невесело хмыкнула от отчаяния.

– Маккоям придет конец, если ты и дальше будешь верить, что мы выплывем.

– Я уже сказал, что «Алькасар» не продается!

– Упрямый старик!

– Глупая девчонка!

– Эм, простите, что отвлекаю, но у нас проблемы.

Беседа превратилась в схватку – мы уперлись лбами, и никто не смог бы нас разнять. Никто, кроме дяди Джима. В детстве он часто разнимал нас, двух упрямцев. Он и теперь незаметно встрял, предотвратив схватку.

Отец свирепо зашагал за другом, стуча сапогами по земле. Я следом. Наша троица молча дошла до конюшни, вплыла в привычные запахи сена и непривычно замерла у третьего загона.

Максимус дернулся и издал страдальческий стон. Судорожно, немощно, на последнем издыхании он приподнял голову. Глаза измучено просили о помощи или о смерти. Как истинный гладиатор, в честь которого он и получил свое имя, Максимус годами проявлял лишь стойкость и мужество, с чем бы ни сталкивался. Все победные медали кровью и потом выбивал из копыт противников. Но теперь из него словно вышла сама жизнь, оставив в загоне лишь тень привычного нам боевого коня. Он буквально лежал в лужах, из-

верженных его же нутром.

– Я нашел их такими только что, – сдавленно признался дядя Джим с тревогой в голубых глазах.

– Их?

В соседнем вольере в такой же позе мучился Максвелл, а чуть дальше – Иберия. Стоило нам оставить коней без присмотра на несколько часов, как они подхватили заразу от Дастана.

– Похоже на отравление, – умозаключил отец, как всегда хранивший выдержку, точно сыр с плесенью. – Как у Дастана. Нужно срочно везти их к Уоллесу.

– Ты шутишь?! – опешила я. – Хочешь лечить их отварами и крапивой? Им нужна настоящая помощь, таблетки, капельницы. Совсем не вовремя ты выгнал Грэма. Еще не поздно позвонить ему и…

– Нет, – почти крикнул отец. Никогда еще он не повышал голос на свою маленькую девочку. – Этот лентяй уже несколько месяцев выводил меня из себя. Он работает из рук вон плохо. Я не собираюсь платить ему за лень.

– А за здоровье наших животных? Ты готов пожертвовать их жизнями, только лишь бы показать всем, где их место! Я тебя не узнаю! Скажи ему, дядя Джим.

Я уставилась на Джима в поисках поддержки – если кто и мог перечить Клинту Маккою, то только он.

– Элла права, Клинт. Не рискуй лошадьми в угоду своему самолюбию.

– Это не самолюбие, а здравый смысл!

– Это вздор и чепуха!

Максвелл издал вопль, похожий на касатку, что попала в винт корабля. И только боль, сравнимая со смертельной, прекратила перепалку.

– Не знаю, как вы, – вмешалась я и решила взять ситуацию в свои руки, даже если отец выставит меня вон из «Алькасара». – Но я вызываю настоящего медика.

От мужчины в гневе можно многого ожидать. Еще больше – от мужчины в отчаянии. От этих двоих я ожидала чего-то подобного или хотя бы сопротивления. Но раунд остался за мной.

Через полчаса солнце облизало горизонт, всё замирало перед сном, но в конюшне все только зашевелилось. К нам прибыл самый опытный из свободных ветеринаров – вызвала я его из самого Шарлотта. Гилберт Грейвс уже двадцать шесть лет практиковал в нашем штате и вылечил ни один десяток, а то сотню парнокопытных. Солидный, серьезный и торопливый, он примчался на маленьком «Жуке» и констатировал то, о чем мы и подозревали, – отравление у Максимуса и Максвелла.

– Чем они могли так серьезно отравиться? – ужаснулись мы. – Мы кормим их как обычно.

– Анализы покажут, – сказал мистер Грейвс, пошевелив усами. – Я везу их в госпиталь, там и посмотрим.

Всем остальным постояльцам конюшни ничего не грози-

ло, но на всякий случай доктор досконально осмотрел их, взял анализ у каждого, а также пробу из воды и корма, после чего приказал избавиться от всех вскрытых припасов и не кормить животных этой партией.

Наша с отцом перепалка так и не достигла своего апогея, как и завершенности. Непрошенные обстоятельства вмешались в ссору и поставили ее на паузу. Отец без предупреждения прыгнул в свой пикап и помчался вслед за ветеринаром и конями, которых один за одним вывезли из «Алькасара» в Шарлотт. Удовольствие не из дешевых, учитывая, в какой глубокой яме из долгов мы и так сидели. Но ради здоровья наших питомцев мы были готовы провалиться ещё глубже.

В любом другом месте и на ближайшую тысячу километров не нашлось бы доступного конного госпиталя с квалифицированными докторами и медикаментами, но это Веддингтон. Тот, кто жил в Северной Каролине, знал: лошадей здесь водится больше, чем домашних собак. Лошадей здесь покупают чаще, чем новые автомобили. Именно поэтому на этих землях чаще появлялись конные базы, ипподромы и гостевые комплексы вроде «Идальго» Бобби Брюлле, нежели автомобильные концерны «Дженерал Моторс» или «Крайслер».

Мы с дядей Джимом остались следить за порядком в «Алькасаре» и за состоянием оставшихся лошадей. По настоянию ветеринара мы складировали корма в той части сеновала, которым почти не пользовались, но выбрасывать не

стали на тот случай, если еда окажется и правда отравленной – тогда был шанс отыграть позиции, подав иск против производителя. Воду же мы слили и на всякий случай вызвали инспектора, который бы оценил состояние колодца – быть может там разгорелся очаг какой-нибудь бактериальной инфекции.

За чистой водой пришлось ехать в оптовый маркет на выезде из Веддингтона. Оставив меня за старшую, дядя Джим вызвал Брайса – тот до сих пор не попадался мне на глаза. Но когда я мельком увидела его лицо в открытом окне джипа, он лишь отвел глаза и нажал педаль газа, едва отец успел сесть на пассажирское сидение.

Ожидание – тот еще паразит, что забирается в тело, в душу, в каждый клочок нервов и начинает пожирать, как чума. Два дня весь «Алькасар» ждал новостей из Шарлотта. Максвелл, Максимус и Дастан шли на поправку под наблюдением профессионалов. Ненадолго мы могли выдохнуть – остальные лошади чувствовали себя прекрасно. Нам удалось обрубить концы заболеванию, но мы так и не нашли первоисточник.

Когда к вечеру пришли результаты экспертизы, мы втроем склонились над монитором ноутбука. Обычно вместе с нами всегда был Брайс – без него не решались почти никакие вопросы, но не теперь. После инцидента у бара «Гавайский вечер» мы с ним не разговаривали и даже не встречались взглядами. Он изредка появлялся на территории конюшни

и тут же ретировался, чтобы не столкнуться со мной. Если отцы и заметили перемену в наших отношениях, то виду не подавали – забот хватало и без сердечных интриг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.